

ЛЕОНИД СУРИН

УЧИТЕЛЬ ИЗ ЮРЮЗАНИ

Резкий, порывистый ветер обжигал лицо. Он гнал с севера тяжёлые серые тучи. Низко нависнув над землёй, они, казалось, придавили своей тяжестью и бескрайние поля, уходящие вдаль, и стадо коров на жнивье, и худенькую фигурку мальчика-пастуха в лаптях и поношенном зибуне.

Над каждой избой клубился сизый дымок, напоминая о домашнем тепле. Но не о теплой избе мечтал мальчик. Он уже в который раз вспоминал, как сегодня утром отец, поглядев на небо, сказал:

- Ну, сегодня последний раз скотину погонишь... Не иначе, как завтра снег пойдет.

Ваня, вскинув на отца свои не по-детски серьезные глаза, спросил;

— А как кончим пасти— в школупустишь?..

— Эх, сынок!— грустно сказал отец, прижимая к груди вихрастую голову сына.— Ежели б жили мы по-человечески, разве послал бы я тебя коров пасти? А то ведь как живем... Хуже некуда!.. С хлеба на воду перебиваемся. За долги того и гляди последнюю коровенку со двора сведут...

Отец помолчал немного, подумал, затем, как бы решив что-то, добавил:

— А учиться-то тебе надо... ох, как надо учиться!.. Что ж, была не была— завтра пойдешь, попросишь учителя. Может, примет...

Весь день Ваня Обвинцев находился под впечатлением этого разговора,

«Завтра в школу! Может, примет учитель-то...»— думал мальчик, глядя на село, на дальнем конце которого стояло приземистое здание школы. Ваня весь был охвачен мыслями о школе и не замечал ни холодного, пронизывающего до костей ветра, ни колючих снежинок, ни тяжелых плывущих по небу снеговых туч.

Когда на следующее утро Ваня вышел на улицу, он увидел снег. За ночь снег выпал на замерзшую землю, крыши домов, он, точно хлопья пены, осел на ветках деревьев. Улица, еще вчера грязная и неприглядная, за ночь принарядилась и стала необыкновенно чистой, веселой, радостной. Все это усиливало и без того радостное настроение мальчика. Выйдя из избы, Ваня постоял некоторое время у ворот, оглядываясь кругом. Затем, жмурясь от непривычно яркого света, решительно зашагал по направлению к школе.

Чем ближе он подходил к школе, тем тревожнее становилось у него на душе. Занятия в школе начались уже давно. Согласится ли учитель принять его теперь?..

У порога Ваня старательно отряхнул снег с лаптей, снял шапку и, чувствуя, как замирает в груди сердце, открыл дверь.

Шел урок.

За партами, стоявшими в два ряда, сидели дети, а по классу ходил невысокий молодой учитель. У него было худощавое, энергичное лицо. Он что-то говорил детям густым приятным голосом. До Вани долетела лишь одна фраза:

— ...Много есть на свете разных стран и земель, дети. Но одна у человека родная мать, одна у него и Родина.

Учитель, сказав это, обернулся и заметил худенькую фигурку, прижавшуюся к двери.

— Тебе что-нибудь нужно?— спросил он, подойдя к мальчику.

— Учиться хочу,— тихо ответил Ваня.

— Учиться? Что ж ты, милый мой, так поздно надумал придти. Ведь уже шестую неделю учимся. Чего же ты раньше-то не приходил?

— Я... я не мог... Я коров пас...— чуть слышно прошептал Ваня, и сердце его больше сжалось. С ужасом он подумал: «Сейчас прогонит... не примет...» Но учитель положил свою большую руку на его голову, заглянул в глаза ласковым, добрым взглядом и, почему-то вздохнув, мягко сказал:

— Ну, что ж... иди садись. Я помогу тебе догнать товарищей.

Так в конце октября 1902 года сын крестьянина бедняка Иван Обвинцев встретился учителем Михаилом Андреевичем Смирновым.

Два с половиной года спустя, сидя на лавке в маленькой, прокопченной избенке Обвинцевых, учитель говорил отцу Вани:

— У вашего сына большие способности.

Плохо будет, если они пропадут. Разрешите мальчику учиться дальше, и я отвезу его в Благовещенск, в учительскую семинарию...

Предложение учителя было для отца мальчика полной неожиданностью. От смущения он чуть было не выронил из рук хомут, который чинил.

— Да я и сам, Михаил Андреевич, вижу, что парнишка рвется к учению... Только где это видано, чтобы мужик— и вдруг учителем стал. У нас, почитай, во всей Емашинской волости у богатых-то мужиков эдакого слыхом не слыхивали, а ведь мы— сами изволите видеть— голытьба...

Ваня, сидевший тут же и пристально смотревший то на отца, то на учителя, с тревогой ждал, как же решится его судьба.

— Жизнь у вас тяжелая,— согласился Михаил Андреевич,— на вашу помощь Ване рассчитывать, конечно, не придется. Но я сам помогу ему подготовиться к экзаменам... Как-нибудь выхлопочем ему и стипендию от земства... Трудненько будет, да ведь, как говорится, терпение и труд все перетрут...

- Ну, как, Ваня?— с улыбкой обернулся Михаил Андреевич к мальчику.— Хочешь учиться?..

Хочу! Ох, как хочу!— с жаром воскликнул Ваня, благодарно взглянув на учителя.

Что ж, и раздумье сказал отец,— пускай едет. Может, и впрямь будет толк. Только что-то не верится мне...— И, немного помолчав, растроганно

добавил:— Спасибо вам, Михаил Андреевич, за Ваньку. Большое спасибо!.. И поклонился в пояс.

...В Благовещенске, маленьком пыльном заводском поселке на реке Белой, Ваня Обвинцев прощался со своим учителем.

Экзамены были сданы успешно. Юношу приняли в семинарию. Радости его не было границ. Но к радости примешивалось щемящее сердце чувство грусти. Трудно было расставаться с любимым учителем, которым стал для Вани родным, близким человеком. Обнимая юношу за плечи, Михаил Андреевич говорил:

Ну, прощай, Ваня! Учись... Слышишь, хорошо учись!.. И всегда помни, что ты крестьянский сын...

Буду стараться, Михаил Андреевич! - Взволнованно отвечал Ваня.— Буду стараться, чтобы стать таким, как вы...

Давно скрылся из глаз тарантас, на котором уехал Михаил Андреевич. Давно рассеялось поднятое колесами облако пыли. Но Ваня всё глядел и глядел вслед Михаилу Андреевичу...

II

Ночь...

Непроглядный мрак окутал село плотной, непроницаемой стеной, подступил к окнам. Бушует снежная вьюга, и от ее глухих рыдающих завываний неприятно и тревожно становится на душе. Керосиновая лампа тускло нервно освещает стол и лежащую на нем большую кипу ученических тетрадей. Густые тени окутали стены маленькой комнатки и на них портреты Пушкина, Некрасова, Толстого. Лишь с трудом угадываются сквозь густеющий мрак знакомые силуэты великих писателей.

Михаил Андреевич склонил голову над лежащей на столе раскрытой тетрадью. Глубокое раздумье овладело учителем...

Как быстро и незаметно летит время!

Кажется, давно ли он, Михаил Смирнов был семинаристом... В памяти встают Благовещенск, река Белая, общежитие учительской семинарии. Михаил Андреевич был лучшим учеником и даже получал «повышенную стипендию, от земства,— целых восемь рублей! Всё это осталось позади в тот памятный весенний день 1896 года, когда он девятнадцатилетним юношей, окончив семинарию, приехал в Златоуст и ходил по городу, бережно ощупывая кармане аттестат на звание учителя начальных классов.

Несколько лет прожил он в этом старинном уральском городе—родине булата и чудесной

гравюры на стали. Работа была интересная. Но Златоуст— это все же город, хотя и небольшой, заштатный. А Михаила Андреевича тянуло в деревню. Еще в семинарии он мечтал о работе в сельской школе. Молодой учитель не выдержал и подал заявление с просьбой перевести его на работу в одну из уральских деревень. Златоустовское уездное земство предложило ему поехать в глубь уезда, в глухое уральское село Корлыханово.

И вот он— сельский учитель.

Немало воды утекло с тех пор, как он появился в Корлыханове. Что ж! Он, Михаил Смирнов, ни разу не раскаялся в своем выборе.

Трудолюбивый народ, в поте лица добывающий кусок хлеба, полюбился молодому учителю. Крепко полюбил он и своих учеников— простых крестьянских ребятишек, жадно тянущихся к знаниям, ко всему новому, доселе им неизвестному. Никогда не забудет учитель, как встретили его дети, когда он впервые принес в школу скрипку и заиграл на ней. Как зачарованные смотрели они на блестящий полированный инструмент, из

которого лились волшебные, чарующие звуки. Но с некоторых пор тяжелое смутное чувство беспокойства и ожидания чего-то не покидало учителя.

Началось это с того мартовского дня 1903 года, когда он узнал, что в уездном городе по приказу уфимского губернатора солдаты расстреляли безоружную толпу рабочих.

Шестьдесят девять убитых! Двести пятьдесят раненых!

Сжав кулаки, шепча проклятия, метался тогда Михаил Андреевич из угла в угол. А утром тяжело передвигая ноги, как больной, пришел на урок.

Но когда он вошел в класс и сказал свое обычное «Здравствуйте, дети!», они ответили ему так звонко и радостно, что у него сразу потеплело на душе...

Очнувшись от дум, Михаил Андреевич принялся за проверку тетрадей. Вот работа Наташи Коминой. Михаил Андреевич прочитал аккуратно выведенный заголовок «Сочинение» и улыбнулся, представив себе маленькую, худенькую девочку с живыми, умными глазами. Всегда она сидела только на первой парте, чтобы быть поближе к учителю, и жадно ловила каждое его слово. Всегда она приходила в класс задолго до начала занятий и с нетерпением ожидала его прихода.

Однажды он спросил ее:

— А кем ты хочешь быть, Наташа?..

Девочка не задумываясь, ответила:

— Учительницей!.. Чтобы учить детей, как вы...

Михаил Андреевич с отеческой любовью читал и перечитывал сочинение Наташи. Как всегда, оно было написано безукоризненно и поражало глубиной мысли и ясностью изложения. А ведь это та самая Наташа Комина, у которой в семье никогда не было никаких книг, кроме

псалтыря. По этому псалтырю, задолго до школы, ее научил читать старший брат, сам с грехом пополам разбиравший книжную мудрость.

— Молодец, Наташа!— вслух произнес Михаил Андреевич, дочитав последнюю страницу ее сочинения.

III

Пришла весна! Огромный голубой купол неба повис над землей. Горячие лучи солнца растопили снег на полях, и он бежал мутными потоками в грозно ревуший Ик. Ожил, наполнился птичьим гомоном старый сосновый бор возле села; зазеленела на оттаявшей земле молодая трава. В глубине оврагов, не умолкая ни днем, ни ночью, звенели ручьи, неся талую весеннюю воду с высоких гор.

Солнечным воскресным утром Михаил Андреевич вышел на крыльцо. С наслаждением вздохнул он чистый прохладный воздух, посмотрел вокруг, и в памяти невольно возникли чудесные пушкинские строки:

«Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...»

— Сквозь сон встречает утро года,— повторил учитель, чувствуя, как все его существо наполнило легкое радостное чувство. Чувство это еще больше усилилось, когда он увидел мальчиков и девочек, веселой гурьбой направлявшихся к школе. В руках у ребят были лопаты и заступы. Михаил Андреевич сегодня с раннего утра собрался вместе с детьми заняться

посадкой большого сада возле школы. Когда сад разрастется, он будет украшением села. Кроме того, работа в саду— лучшие уроки природоведения: дети лучше усвоят учебный материал, расширят и углубят свои знания.

Вместе с учителем шумная ватага ребят отправилась в лес за саженцами и к обеду возвратилась к школе, неся с собой тонкие молодые деревца, на которых уже набухли почки.

Здесь были дикая яблоня и вишня, кусты сирени и черемухи.

Весело и дружно принялись школьники за работу, то и дело, подбегая к учителю за советом. А он ходил от одной группы детей к другой, наблюдал за работой и с наслаждением прислушивался к звонким детским голосам.

Наташа Комина наклонилась над ямкой, бережно расправила корни маленькой рябины и весело крикнула;

— Михаил Андреевич, я засыпать буду!

— Ну, что ж, засыпай,— улыбнулся учитель, невольно любуясь раскрасневшимся, похорошевшим личиком девочки.

Наташа забросала ямку землей, осторожно чтоб не повредить тонкий нежный ствол деревца, притоптала землю вокруг него и тихо шепнула;

— Расти, моя рябинка, большая-большая! До самого неба...

С этого дня крестьяне каждое утро видели учителя в школьном саду то вместе с детьми, то одного. Все свободное время он отдавал уходу за деревцами, и к средние лета возле здания школы зазеленели.

IV

Как только кончились полевые работы и у

крестьян видалось, наконец, свободное время, Михаил Андреевич начал заниматься со взрослыми в воскресной школе.

Каждое воскресенье, когда над селом спускались сумерки, шли мужики в школу, садились за парты в маленьком классе, и без того тесная комнатка становилась еще теснее.

Много нового узнавали корлыхановские крестьяне на этих занятиях. Имена Пушкина, Некрасова, Тургенева и Толстого стали близкими и дорогими огрубевшим в непосильной работе мужикам. Однажды зимой учитель читал роман Толстого «Воскресенье». Читая, он видел, как волнует этих простых людей печальная судьба Катерины, мастерски нарисованная великим писателем, как возмущает их комедия царского правосудия.

Вот и сегодня, едва началось чтение, как в классе воцарилась напряженная тишина. Перелистывая страницы, учитель вглядывался в лица слушателей и видел, как по мере развертывания событий в романе, нарастает их возмущение.

На передней парте сидел молодой крестьянин Гаврила Патраков. Подавшись вперед, он неотрывно смотрел в лицо учителю, до боли сжав натруженными тяжелым трудом руками край скамьи. На соседней парте сидела мать Наташи Коминой. На ее глаза то и дело навертывались слезы, и она вытирала их концом платка. Рядом, опустив голову, застыл её муж Роман. Возле печи примостились три мужика из Ногушей— деревни, расположенной по соседству с Корлыхановым. Десятки горящих глаз глядели на учителя, и он знал, что чтение находит такой горячий отклик в сердцах слушателей не только потому, что их волнует судьба Катюши Масловой— героини романа, но и потому, что собственная их жизнь тоже тяжела и безрадостна...

Давно кончилось чтение, а в школе все еще стояла тишина. В суровом молчании расходились крестьяне по домам.

Последним ухалил Гаврила Патраков. Подойдя к учителю и прижав к груди узловатые мозолистые руки, он задыхающимся шёпотом спросил:

— Как жить дальше, Андреич?.. Неужто вот так и терпеть нашу собачью жизнь?

— Нет, терпеньем ничего не добьешься,— ответил учитель и, взяв Гаврилу за плечи, глядя ему прямо в глаза, твердо добавил:— Надо бороться!..

— Бороться? За что?!— хрипло выкрикнул Гаврила и услышал, как учитель спокойно и уверенно сказал:

— За счастливую, справедливую жизнь!

V

Прошло шесть лет с того дня, как учитель появился в Корлыханове. За эти годы он крепко сдружился с крестьянами и полюбил их искренней горячей любовью. Местное население платило за эту любовь глубоким уважением и привязанностью.

Правда, корлыхановские богатеи, член земской управы и исправник не любили учителя и открыто поговаривали между собой, что учитель— «крамольник», что не мешало бы получше за ним «присматриваться». Но все это не могло сравниться с той острой ненавистью, которую питал к учителю корлыхановский священник отец Владимир.

Началось все это три года тому назад, на пасхальной неделе. Отец Владимир, окончив богослужение и сняв ризу, собирался идти домой, заранее предвкушая наслаждение, которое доставят ему любимый графинчик с вином и обильная закуска, приготовленная умелыми руками попадья.

Но едва отец Владимир вышел на церковную паперть, к нему подошел Гаврила Патраков и, испытующе глядя на священника, спросил:

— А отчего это, батюшка, молонья на небе бывает и гром?..

— От бога, сын мой, от бога,— добродушно ответил отец Владимир, торопясь поскорее пройти мимо.

— Так от бога, значит?— сомневаясь в истинности сказанных отцом Владимиром слов, задумчиво проговорил Гаврила.— А нам в воскресной школе учитель говорил, что это все от электричества. Это, говорит,— все природа...

По тому, как были сказаны эти слова, было ясно, что вопрос этот мучил Гаврилу уже не один день. Отец Владимир так ошалело взглянул на Гаврилу, что, казалось, будто тот задал ему не вопрос, а ударил обухом по затылку. Побагровев и затопав ногами, священник закричал, брызгая слюной:

— А-а-а, сатанинских речей наслушался!.. Нехристь, ты!.. Нехристь!..

—Да что вы, батюшка?— изумленно попятился от него Гаврила.

— Молчи!— истерически взвизгнул отец Владимир.— Ты... ты дурак, а учитель твой - пособник дьявола!..

После этого отец Владимир пользовался каждым случаем, чтобы высказать свою неприязнь к учителю, но на большее почему-то не решался. Когда же он заметил, что кое-кто из крестьян с большей охотой идут в воскресная школу, нежели в церковь, то решился на неприятный для себя разговор, дабы образумить, наконец, «крамольника» и наставить его на путь истинный.

Михаил Андреевич сидел в своей маленькой комнатке при школе и, как всегда, проверял тетради. Кто-то осторожно постучал и, не дожидаясь приглашения, открыл дверь.

Учитель поднял голову. На пороге стоял отец Владимир и елеинно улыбался.

— Мир дому сему,— почему-то нараспев точно в церкви проговорил он.— Не ждали гостя в сей поздний час? А я шел мимо... Дай думаю, зайду, проведу нашего Михаила Андреевича...

Лицо отца Владимира снова осветилось слащавой улыбкой.

«Чего ему надобно от меня? Зачем пожаловала эта старая лиса?»— с неприязнью подумал учитель и, не слишком любезно указав на стул, сказал:

— Прошу.

Отец Владимир осторожно сел на краешек стула с таким видом, точно стул каждую секунду мог под ним взорваться, и сложил на животе пухлые белые руки.

— М-м-да...— протянул он, снова изобразив на лице вкрадчивую, иезуитскую улыбочку.— Так вот, значит, шел я мимо и решил зайти поговорить о том, о сем. Может быть, думаю, мой жизненный опыт, мой трезвый ум окажут пользу нашему Михаилу Андреевичу. Дам, думаю, я ему в некотором роде совет.

— Совет?— насмешливо спросил учитель.— Какой же совет вы хотите дать мне, батюшка?

Но отец Владимир не ответил на вопрос, точно и не слышал его.

— А что, верно это, будто вы читаете нашим мужичкам сочинения графа Толстого?— спросил он.

— Да, я читал,— спокойно ответил учитель.

— Ай-яй-яй!— неодобрительно покачал головой отец Владимир.— Мерзкие писания отлученного от церкви вольнодумца, коему мы провозглашаем анафему во храме божем! Нехорошо, нехорошо!

— Я читаю крестьянам книги, дозволенные цензурой,— хмуро сказал учитель, с трудом подавляя в себе острое желание схватить священника за шиворот и выбросить за дверь.

— Так, так...— согласился отец Владимир.— Дозволенные цензурой?.. Но, однако, драгоценнейший мой Михаил Андреевич, ходят слухи, что вы читаете мужикам кое-что и...не дозволенное цензурой. И я полагаю, что слухи эти не лишены... м-м-м... некоторого основания. Мой долг, уважаемый Михаил Андреевич, долг пастыря, предупредить вас, что вы стоите, я бы сказал, на весьма скользком пути. Да-с...

— Чего ж вам угодно от меня?— спросил учитель, уже не скрывая накипевшего раздражения.

— Мне угодно, - уже не скрывая своей ненависти к учителю, зашипел отец Владимир мне угодно, чтобы вы прекратили, наконец, развращать крестьян. Мне угодно, чтобы вы...

Но учитель не дал ему договорить.

Вскочив из-за стола и сделав по комнате несколько крупных шагов, он остановился против отца Владимира и, в упор глядя на него таким взглядом, от которого тому стало не по себе, глухо произнес:

— Вот что, отец Владимир. Я делаю то, что нахожу нужным делать. В ваши дела и дела господа бога я не вмешиваюсь и вас прошу, также не соваться в мои мирские дела. И еще прошу вас сейчас же уйти, иначе... иначе боюсь, что беседа наша примет для вас неприятный оборот! Слышите вы, пастырь?..

— Ах, так!— выдавил из себя отец Владимир, пятясь к двери.— Гонишь, значит, пастыря стада христового!— с какой-то злобной радостью и почти с торжеством выкрикнул он.— Я этого не прощу! Я этого не оставлю!

И отец Владимир, не прощаясь, выбежал из комнаты, сердито хлопнув дверью.

Он пришел домой сильно не в духе. Попадья поняла это сразу же, едва услышала угрюмое пыхтение в прихожей.

— Ужинать будешь, отец?— осторожно, спросила она, выглядывая из-за занавески. Отец Владимир не ответил.

Молча подойдя к шкафчику, он достал графин, налил рюмку водки, посмотрел сквозь него на свет яркой двадцатилетней лампы и залпом выпил, потом принялся ходить по комнате взад вперед, шепча ругательства по адресу «проклятого развратителя».

Наконец отец Владимир сел за стол, пододвинул чернильницу, лист бумаги и начал писать. По мере того как бумага покрывалась ровными рядами строчек, лицо попа светлело; временами он даже улыбался. Только улыбка теперь у него была не слащавая, а ехидная, выражавшая злобную радость.

«Долг христианина и пастыря,— писал отец Владимир,— обязывает меня сообщить вашему высокопревосходительству весьма неприятные вести... Учитель Михаил Андреев Смирнов завел подозрительные сношения с местными мужиками. К нему приходят крестьяне не только моего прихода, но и из Ногушей и других окрестных сел. Ежедневно сей недостойный ведет с ними разговоры на богопротивные темы, и я с глубочайшею скорбью отмечаю, что разврат дал уже свои нежелательные плоды, ибо крестьяне с большею охотою идут в его школу, нежели в божий храм... По селу ходят слухи, что учитель Смирнов дает мужикам читать запрещенные книжки, при помощи которых настраивает народ против государя-императора... А недавно развратитель организовал в селе среди бедных мужиков кредитное товарищество и во всеуслышание заявил, что, только помогая друг другу, крестьяне сообща смогут «достичь лучшей жизни...»

Отец Владимир написал еще несколько строк, затем снова подошел к заветному шкафчику и опрокинул в рот еще рюмку водки. Запечатывая письмо, отец Владимир злорадно ухмылялся:

— Ну-с, молодой человек, посмотрим, как вы теперь заговорите...

Через неделю учителю Смирнову сообщили, что дальнейшее его пребывание в селе Корлыхаонове нежелательно и будет лучше, если он сам, «добровольно» покинет пределы Емашинской волости.

...Ранним декабрьским утром 1908 года с тяжелым чувством учитель покидал село. В школе были каникулы, и Михаил Андреевич подумал, что это, пожалуй, и к лучшему, потому что у него не хватило бы сил спокойно расстаться с детьми.

За околицей учитель попросил остановить сани и долго глядел в сторону села. Там возле школы, смутно чернея среди окружающей белизны снегов, виднелся сад. Его сад! Тяжелые думы овладели учителем.

Будет расти сад, вместе с ним будут расти и крестьянские дети. Долго ли будут помнить они об учителе Смирнове или скоро забудут его? Кого назначат в школу на его место? Будет ли это чуткий, отзывчивый человек, с сердцем, горящим любовью к детям и своему труду, или холодный, бездушный чиновник, для которого все безразлично, кроме его жалования? Если бы Михаил Андреевич мог предугадать то, что произойдет через несколько дней, он уехал бы из села спокойным, зная, что его дело попало в надежные руки.

1 января 1909 года в школу быстрой легкой походкой вбежал просто и скромно одетый молодой человек и, с волнением оглядев стены, голосом, от которого сразу же повеяло чем-то родным и близким, весело сказал:

— Здравствуйте, дети!..

Это был Иван Обвинцев— местный корлыхановский житель, первый из «мужиков» Емашинской волости упорным трудом сумевший получить среднее образование. Это был тот самый мальчик Ваня, которого несколько лет тому назад отвез Михаил Андреевич в Благовещенск, в учительскую семинарию.

VI

Когда летом 1908 года, окончив Уфимскую женскую гимназию, Маша Постникова приехала в родной Катав-Ивановок, отец ее, старый фельдшер, Павел Иванович сказал, с довольным видом поглаживая бороду:

— Ну, дочь моя, поздравляю, поздравляю. Окончила курс наук. Куда же теперь определять себя будешь?

— Уже решила, папа. Буду учительницей,— ответила девушка.— Я и назначение уже имею. На Белорецкий завод...

— Так, так,— задумчиво проговорил Павел Иванович.— Учить молодое поколение. Ну, что ж, одобряю и от души желаю успеха...

Гостивший у Постниковых землемер с удивлением взглянул на худенькую стройную девушку:

— И что за охота вам, Мария Павловна, так обременять себя? Это в семнадцать-то лет! Помилуйте! Шли бы лучше к нам в землемерное бюро. Работа не в пример спокойная, канцелярская, а жалованье раза в два больше, учительского...

Спасибо за приглашение, сухо ответила ему девушка.— Но я не люблю отказываться от принятых решений. Кроме того, учительское звание для меня дороже всякого другого.

Извинившись, Маша ушла в свою комнату. Одобрительно усмехнувшись вслед дочери, Павел Иванович сказал гостю:

— Настоячивая она у меня. Вся в деда. Дед-то ее, мой покойный родитель, был крепостным человеком графов Строгановых. Тоже настоячивый и упрямый старик, хоть и драли его нещадно за это батогами не один раз...

В конце лета Павел Иванович проводил дочь в Белорецк. Через шесть лет Мария Павловна перевелась на работу в родной поселок. Здесь она, молодая учительница, встретила Михаила Андреевича Смирнова и вскоре стала его женой.

В 1916 году семья Смирновых переехала в Юрюзанский завод.

* * *

Юрюзанский завод...

Грязный, неприглядный поселок, затерянный в горах; пыльные улочки, поднимающиеся с горы на гору; огромный пруд, подковой охвативший центральную часть поселка, и внизу, под горой, развалины большого металлургического завода, оставленного и проданного на слом своим владельцем князем Белосельским-Белозерским,— вот такая картина предстала перед Смирновыми, когда они приехали в Юрюзань. О культуре поселка, о народном просвещении никто не проявлял никакой заботы. Когда, наконец, было решено построить двухэтажное кирпичное здание училища, то стали удерживать на постройку из скудного рабочего заработка по две копейки с рубля. Кабак же здесь был построен добрую сотню лет тому назад.

Шли годы...

Могучим очистительным шквалом прокатилась по стране Великая Октябрьская социалистическая революция. Как кошмарный сон, канул в прошлое страшный год колчаковщины на Южном Урале. Трудящиеся Урала вместе со своим советским народом занялись творческим мирным трудом и восстановлением разрушенного хозяйства, строительством новой культуры. В глухом поселке закипела невиданная до сих пор, интересная жизнь. Столетиями оторванный от просвещения народ, сбросивший, наконец, вековые узы, почувствовал себя по-настоящему свободным и жадно потянулся к знаниям. Кружки по ликвидации неграмотности, вечерние курсы малограмотных, занятия в школе, еженедельные спектакли учительского самодеятельного кружка в просторном помещении Народного дома, спектакли, на которые никогда не могли попасть все желающие,— эта кипучая жизнь закружила, увлекла учителей Смирновых, наполнила до краев их будни, сделала их работу по-настоящему увлекательной, захватывающей.

Молодая советская республика росла, мужала, крепла с каждым днем. Вопросы воспитания нового человека, борьбы с пережитками прошлого, вопросы создания, социалистической культуры приобретали всё большее и большее значение, с каждым днём возрастала роль учителя. Владимир Ильич Ленин, великий вождь и основатель советского государства, решая важнейшие государственные дела, думал о скромном неродном учителе. Горячей любовью и уважением к труду учителя были продиктованы замечательные слова вождя:

«... Учитель должен быть поднят у нас на ту высоту, на которой он не стоял, не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это истина, не требующая доказательств».

Постоянно ощущая заботу партии, правительства, самоотверженно трудились Михаил Андреевич и Мария Павловна Смирновы. Каждый день напряженного труда приносил радость и моральное удовлетворение. Выдавались и особенно радостные, памятные дни. Однажды морозным

январским днем 1928 года почтальон вручил Михаилу Андреевичу письмо. Оно было из Корлыханова. Нет, не забыли своего учителя корлыхановцы! Не забыли, хотя! прошло уже двадцать лет с тех пор, как он покинул село. В день двадцатилетия корлыхановской школы они написали любимому учителю письмо.

«Все мы были очень огорчены,— писали корлыхановцы,— что на юбилее не присутствовали вы— наш дорогой незабвенный учитель. Во время торжественного заседания ваше имя произносилось не один раз, и ваши заслуги перед школой и населением были оценены должным образом. Прошли долгие годы, а память о вас, о вашей деятельности живет в сердцах не только ваших учеников, но и всего местного населения. Посеянные вами добрые семена дали хороший урожай. Ваши ученики являются строителями новой социалистической жизни, о которой вы так мечтали в то далекое глухое время...»

Дочитав письмо до конца, старый учитель увидел внизу среди многих подписей росчерк Ивана Дмитриевича Обвинцева и почувствовал, как слезы застилают ему глаза.

* * *

Да, корлыхановцы стали строителями новой социалистической жизни. В эти годы в селе организовалась первая сельскохозяйственная артель, и когда летом к Марии Романовне Коминой приехала погостить ее сестра Наталья Романовна, она была поражена той неутомимой бурлящей жизнью, которой жило теперь село. Наталья Романовна приехала не одна, а с маленькой дочкой.

Долго длилась душевная беседа сестер, давно не видевших друг друга. Уже не первый десяток лет обе они учительствовали: Мария Романовна— в родном Корлыханове, ее сестра— в Златоусте.

До сих пор Наталья Романовна сохранила свои ученические тетрадки, в которых стояли отметки, сделанные рукой любимого учителя.

Это были сочинения маленькой девочки Наташи, возвращая которые после проверки, Михаил Андреевич всегда говорил: «Молодец, Наташа?» Когда молодая учительница Наталья Комина начала работать в школе, были в ее работе, особенно в первое время, неудачи. И всегда в такие минуты она ощущала твердую направляющую руку своего учителя. И когда удавалось ей найти правильное решение трудной задачи, всегда звучал в ее ушах одобряющий голос: «Молодец, Наташа!»

Вечером, когда солнце огромным красноватым шаром опускалось за горизонт, Наталья Романовна взяла за руку дочь и пошла с ней в тенистый разросшийся сад, зеленевший возле знакомого кирпичного здания. Долго бродила она по густым тенистым аллеям, вдыхая запах деревьев, любовалась стройными могучими елями, верхушки которых уходили далеко-далеко ввысь, и разросшимися кустами сирени и черемухи. Задумчиво остановилась она возле дуплистой старой рябины, сорвала листочек с ветки, грустно, со вздохом сказала:

— Стареть мы начали с тобой, рябина... стареть... Но мы еще проживем! Верно?

— С кем это ты говоришь, мама?— спросила девочка, изумленно тараща темные бусинки глаз.

— С рябиной, доченька... Это я ее посадила.

— Как же ты ее сажала?— недоверчиво смотря на мать, спросила девочка.— Ведь она вон какая большая-большая. Больше тебя!

— Глупенькая ты у меня еще, дочка, - ласково улыбнулась Наталья Романовна! - Это было давно-давно... и рябинка тогда была маленькая-маленькая. Вроде тебя!..

VII

Шли годы сталинских пятилеток. Крепла, наливалась силой и вставала во весь свой гигантский рост на глазах у всего мира молодая социалистическая держава. Вместе с государством нового типа, не виданным еще в истории, росли и мужали новые люди, никогда не знавшие ярма капиталистической эксплуатации.

Партия и правительство проявляли повседневную заботу о всемерном развитии народного образования. В стране с каждым годом возрастало количество не только начальных, но и средних и высших школ. Страна остро нуждалась в специалистах самых разнообразных профессий. Средняя школа была создана и в Юрюзани. Михаил Андреевич стал преподавать в школе математику, а Мария Павловна— литературу и русский язык. Все свое время отдавали Михаил Андреевич и Мария Павловна занятиям любимыми предметами. Целые дни проводили они в школе, среди любознательных, жадно тянущихся к знаниям ребят.

Но учителя Смирновы не только учили других, но настойчиво, упорно учились сами. Далеко за полночь горел свет в их квартире. Сколько было прочитано за эти годы специальной литературы, сколько изучено статей в разнообразных педагогических журналах, лекции заочного института! Богатый личный опыт, тщательная подготовка делали уроки Смирновых живыми, увлекательными, интересными.

Не зря супруги Смирновы считались лучшими учителями не только в своей школе, но и во всем районе. Не зря и к Михаилу Андреевичу и

к Марии Павловне часто обращались за советом молодые начинающие педагоги. Классы, в которых они занимались, всегда отличались от других отсутствием неуспевающих.

Каждый год с радостью и гордостью наблюдали старые учителя, как разлетаются во все концы необъятной страны их питомцы, как они становятся на самостоятельный жизненный путь. Правда, было жалко и грустно расставаться с юношами и девушками, ставшими для них за несколько лет пребывания в школе родными и близкими. Но воспитатели были спокойны за своих учеников. Они знали, что их питомцы с честью выдержат любой жизненный экзамен... И вот пришел этот экзамен на зрелость, пришел для всего советского народа. Вместе со всеми советскими людьми его держали и воспитанники Юрюзанской средней школы. Началась Великая Отечественная война.

VIII

...Наша батарея стояла на опушке молодого кудрявого леса. Прямо по фронту лежали широкие поля, заросшие травой, порыжевшей и выгоревшей за лето. На горизонте чуть заметной зубчатой полоской синели горы. Их очертания терялись в дымке тумана. Метрах в двухстах от батареи видны были зловещие черные остовы трех танков с крестами и фигурами отвратительных драконов на бортах. Два танка еще дымились, по всему огромному полю растекался удушливый, щекочущий горло запах бензиновой гари. Всего лишь несколько часов тому назад эти чудовища со скрежетом и лязгом ползли на нашу батарею, изрыгая из длинных хоботов орудий огонь и смерть. А сейчас они метким огнем советских артиллеристов превращены в мертвые, безжизненные глыбы металла. Вокруг них, уткнувшись в траву, лежали скрючившиеся трупы немцев в грязно-зеленых, лягушечьего цвета,

мундирах. А на батарее своим чередом шла жизнь. Каждый, пользуясь короткими минутами отдыха, занимался своим делом. Группа солдат сгрудилась возле рябоватого рассказчика с умным взглядом чуть раскосых глаз; оттуда доносился громкий, непрерывный хохот. Неподалеку, кое-как приспособившись у осколка зеркала, брился усатый сержант с двумя медалями «За отвагу» на груди. У одного из орудий, прислонившись спиной к щитку, сидел молодой офицер с тремя звездочками старшего лейтенанта на полевых погонах. И суровые складки между бровей, и резко очерченный, волевой рот, и два боевых ордена на вылинявшей, выгоревшей на солнце гимнастерке— все говорило о том, что это бывалый воин. Положив на колени планшетку с листом бумаги, офицер писал письмо.

«Дорогой Михаил Андреевич!»— старательно вывел он огрубевшими пальцами, и выражение задумчивой нежности появилось на его лице в эту минуту, словно он увидел перед собой того, кому писал это письмо и кто был сейчас далеко-далеко. Суровые складки у рта сменились безмятежной, мечтательной улыбкой, и стало видно, что этот бывалый офицер совсем еще юноша, что ему едва ли больше двадцати лет.

«Вот уже три года, - продолжал писать лейтенант, - как я закончил школу в Юрюзани и восемнадцатилетним парнем ушёл в армию.

За это время многое пришлось мне испытать, многое пережить... Я видел, как рядом со мной умирали мои товарищи, с которыми я делил и горечь отступления и радость наступательных боев.

Но я видел и другое. Видел груды разбитой вражеской техники и груды трупов тех, кто пришел в нашу страну, чтобы поработить мой народ, и кто не рад сейчас, что ввязался с нами в войну.

За это время я несколько раз был ранен, лежал в госпиталях и снова возвращался в строй, к своим боевым товарищам, без которых я не представляю сейчас себе жизни.

Был я и разведчиком, и сапёром, и командиром пулеметного взвода.

Моя теперешняя военная специальность артиллерист. Я— командир батареи.

Для того чтобы каждый снаряд ложился точно в цель и нес врагу гибель, нужно в пылу боя, на лету производить довольно сложные математические расчеты. Я делаю это всегда большим удовольствием и всегда невольно вспоминаю вас, дорогой учитель...

Когда бьет моя батарея, когда я вижу, что залп лег точно в цель,— всякий раз вспоминаю я нашу далекую школу и ваши уроки математики. Благодарю вас от всего сердца за то многое, что дали вы мне за годы учебы...»

- В-о-о-здух!— разрезал вдруг вечернюю тишину протяжный крик наблюдателя. Старший лейтенант вскочил и, приложив ладонь к пилотке, взглянул на небо. С запада, точно шум морского прибоя, нарастал гул моторов.

Вот стали видны на светлом фоне неба пять тёмных маленьких крестиков, и старший лейтенант определил: «Юнкерсы», бомбардировщики... Грузно покачивая крыльями, сверкая на солнце, они шли над степью, и вдруг головной самолет, круто развернувшись, стал заходить на батарею.

— Расчеты, по щелям!— крикнул командир батареи.

Справа гулко и часто забили зенитки. Сунув недописанное письмо в планшетку, офицер побежал к траншее.

IX

Новый ученик пришел в девятый класс в конце второй четверти. Он быстро познакомился со своими соседями по партам. Те узнали, что его зовут Николай, что приехал он в Юрюзань из далекого степного города и приехал в

разгар учебного года потому, что перевели на новую работу его отца. Семье пришлось неожиданно менять место жительства. Когда в коридоре звонкой трелью рассыпался звонок, новичок опросил у соседа:

— Какой урок будет сейчас?

— Тригонометрия,— ответил сосед.— Ее преподает Михаил Андреевич. Все ребята его очень любят...

Новый ученик поморщился: он не любил математики. В том городе, откуда он приехал, учитель математики, сухой, педантичный человек, не сумел внушить подросткам ни интереса, ни уважения к этой науке.

Скрипучим равнодушным и всегда донельзя равномерным голосом он объяснял правила, выводил формулы, доказывал теоремы, совершенно не заботясь о том, слушают его ученики или нет. Было непонятно, любит ли он сам-то этот предмет, или он просто преподает его, относясь к своему делу, как к случайной работе. В школе учителя прозвали «нудным».

- Ребята, по местам: «Нудный» идет! - возглашали озорники, вбегая после перемены в класс. Или: «Наш «Нудный» сегодня наверняка меня спросит. Теперь не отвяжешься». «Отвязаться» от «Нудного», в самом деле, было нелегко.

Если математик видел, что ученик не приготовил урока, он битых пятнадцать минут равнодушным голосом отчитывал его. А нерадивый ученик стоял у доски, переминаясь с ноги на ногу. Тоскливый взгляд его скользил то по партам, то по окнам, за которыми сновали шустрые воробьи. «Скоро-ли ты перестанешь гудеть?»— думал ученик.

Размышления новичка о прежней школе и о прежнем учителе были прерваны приходом Михаила Андреевича. Он бодрой походкой вошел в класс. Поздоровавшись, учитель разложил на столе книги и начал урок. «Старик, подумал новичок, внимательно разглядывая его седые усы и

мохнатые, густые брови над умными, пронизательными глазами.— Ну, держись Колька! Даст тебе этот старик жару! Должно быть, сердитый и строгий...»

Учитель записал фамилию нового ученика в классный журнал, вызвал к доске двух учеников, проверил, как они выполнили домашнее задание, и начал объяснять новый урок.

Новичок равнодушно смотрел на доску, которую учитель покрывал ровными, четкими рядами цифр. Мысли мальчика бродили в это время где-то далеко-далеко.

«Алгебра, геометрия, тригонометрия,— думал он.— К чему все это мне? Инженером я все равно не буду, пойду в военную школу. А там ни тангенсов, ни котангенсов не нужно, а нужна только храбрость и отвага. Эх, жаль лет мало? Давно ушел бы на фронт... Там люди воюют, кровь проливают, а ты сиди тут за партой, решай задачки. Кому это нужно?» Новичок представил себе: вот он на фронте. На опушке леса расположена его батарея. А он в кителе, на котором сверкают боевые ордена и медали, стоит и командует:

— По фашистским гадам, прямой наводкой, огонь!!

— Повторите формулу,— раздался над его ухом требовательный голос учителя.

Юноша не сразу понял, что обращаются именно к нему. Он встал и, пытаясь понять, о чем его спрашивают, приготовился выслушать длинные наставления. Но старый учитель только сердито взглянул на него и коротко сказал:

— На уроке нужно слушать, а не мечтать о чем-то постороннем. Специально для вас я урок повторять не буду. Садитесь!

Кончился урок. Учитель, выходя из класса, услышал, как новичок громко, вызывающе сказал:— Не люблю математику. Скучный предмет!

Через четыре дня в девятом классе снова был урок тригонометрии. На этот раз учитель объяснив новый материал, и дав задание на дом, достал из портфеля аккуратно связанную стопку писем.

— Некоторые считают,— сказал он, внимательно посмотрев на новичка,— что математика— это скучный предмет. Чего, мол, в ней интересного? Одни формулы, цифры да значки. То ли дело, например, география, или история, или литература. Там речь идет о живых людях, событиях... Верно? А?!

Класс замер и насторожился: слишком уж необычными были эти слова учителя. В классе все любили математику, было непонятно, что имел в виду Михаил Андреевич. Старый учитель улыбнулся, взглянул на ребят и продолжал:

— А вот, представьте себе, что мы без этой «скучной» науки не смогли бы бить фашистов так, как их сейчас бьют наши бойцы.

Я уж не говорю о том, что без математической формулы не построишь ни танка, ни самолета, а если и построишь, то такой самолет летать не будет. Война сейчас, дети мои, идет такая, что одним громким криком «ура» врага не одолеешь! Нужны большие, прочные знания. И, оказывается, без математики и воевать нельзя! Вот послушайте-ка, что пишут мне с фронта мои бывшие ученики. Вот письмо Левы Бакунина. Всего два года назад он окончил школу, а теперь уже лейтенант-артиллерист, участвовал во многих боях, был ранен и снова вернулся в строй. Вот что он пишет:

«Мне, как лейтенанту-артиллеристу, часто приходится сталкиваться с вопросами тригонометрии, когда мы ведем по врагу прицельный огонь. Каждый раз я с величайшей благодарностью вспоминаю вас и школу,

вспоминаю, что не всегда все гладко было у меня, но ваша требовательность заставляла меня доводить дело до конца. А это самое главное...»

Учитель оглядел сразу посерьезневшие лица ребят и достал второе письмо.

— А вот что пишет другой мой ученик, командир «Катюши», орденоносец Николай Сахаров: «Михаил Андреевич, я любил математику, любил ваши уроки, и здесь, на фронте, мне очень часто приходится сталкиваться с этой наукой. Когда на страх врагу поет моя «Катюша», когда узнаешь, что залп точно накрыл проклятых фрицев, всякий раз вспоминаю вас... Сейчас мы стоим на отдыхе, и я временно работаю топографистом. Для этой работы также нужны тригонометрия и геометрия...»

— А вот это письмо от Васи Сафронова:

«Я служу в артиллерии. Работа такая, что без знания тригонометрии, особенно раздела «Тригонометрическое решение треугольников», никак не обойдешься. Я очень благодарен вам за полученные в школе знания».

— Здесь у меня еще много писем, и написали их люди самых разнообразных военных специальностей: и артиллеристы, и саперы, и связисты, и моряки, и летчики.

Летчик Константин Долгодворов пишет, например, что математика нужна ему, чтобы правильно рассчитать курс боевого самолета и точно отбомбиться; морякам эта, так называемая «скучная» наука помогает вести корабли. Все письма я вам читать не буду, потому что их очень много. Ноя полагаю, что это и ни к чему. Думаю, что вы все достаточно представляете себе громадную роль математики в военном деле. А в мирном строительстве?.. Вот кончится война. Замолкнут пушки. Люди вновь вернуться к мирному труду – восстанавливать разрушенное и строить новое – возводить мосты и заводы, строить новые электростанции и города, прокладывать железнодорожные магистрали и каналы. Разве без знания

математики мы сможем сделать все это? Разве может обойтись без математических формул какая-нибудь отрасль техники? Да разве может быть «скучной» наука, которая необходима человечеству, буквально, как воздух?!

С каждым уроком менялось у новичка отношение к математике, постепенно рушились и исчезали бесследно ставшие обычными для него представления об этом предмете. Уроки алгебры, геометрии, тригонометрии все больше и больше интересовали юношу. Они были совсем не такими, как в той прежней школе. Да и Михаил Андреевич был совсем непохож на прежнего учителя. Михаил Андреевич не любил читать длинных нотаций ученикам. Но он умел двумя-тремя фразами так пристыдить нерадивого школьника, не выучившего урок, что тот, во что бы то ни стало, наверстает упущенное и больше никогда не решится огорчить любимого учителя.

Уроки Михаила Андреевича всегда проходили живо и интересно. Материал он объяснял просто и ясно. Любовь к своему делу чувствовалась в каждом слове учителя. И это заражало и увлекало его учеников.

Увлекаясь математикой все больше и больше, новичок понял, что двигаться вперед ему мешают пробелы в знании пройденного материала, образовавшиеся еще в той школе. Вот почему он, преодолевая нерешительность, подошел однажды к учителю и, смущенно переминаясь с ноги на ногу, попросил:

— Михаил Андреевич, вы нам задали задачи к следующему уроку... Отметьте мне, пожалуйста, еще несколько задач из старого... Я хочу повторить все пройденное...

— Что так?— чуть заметно улыбнулся старый учитель, и где-то в глубине его глаз сверкнула лукавая искорка.— Стоит ли решать дополнительные-то задачки? Ведь математика— это же... «скучный» предмет.

— Нет, что вы!— с жаром воскликнул юноша и покраснел.— Очень интересный! Только... только я отстал сильно от товарищей. Но я их догоню, обязательно догоню. Вот увидите!..

Х

В конце декабря 1944 года школа была взбудоражена радостной вестью: правительство наградило орденами большую группу старейших учителей страны. За исключительные заслуги в деле народного образования и воспитания молодого поколения был награжден орденом Ленина и Михаил Андреевич Смирнов.

Когда старому учителю торжественно вручили номер газеты «Правда» с напечатанным в нем Указом Президиума Верховного Совета СССР, он долго и растерянно смотрел на свою фамилию. Сколько мыслей пронеслось в этот миг в его седой голове! Какие чувства взволновали его душу!.. Ничего особенного он, кажется, не сделал в своей жизни. Просто работал, трудился в меру своих сил, и вот правительство оценило его скромный труд высшей наградой! И в какое время!.. Когда идет кровопролитнейшее в мире сражение за Отечество, за судьбу всей мировой цивилизации, правительство находит время подумать и о рядовом советском учителе.

О награждении Михаила Андреевича орденом Ленина узнали многочисленные его ученики, разъехавшиеся по всей стране. Теперь уже не проходило дня, чтобы девушка-почтальон, приносившая в школу свежие газеты, не вручила ему с улыбкой новую большую пачку писем и телеграмм.

Первой пришла в Юрюзань телеграмма Центрального Комитета ВЛКСМ. «Центральный Комитет комсомола,— писал секретарь ЦК,— поздравляет Вас с высокой правительственной наградой и желает здоровья и дальнейших успехов в Вашей деятельности». А вслед за этой телеграммой поздравления от ЦК профсоюза работников начальной и средней школ, от обкома ВКП (б), облоно, от районного комитета ВКП (б), от школ района и

коллективов учителей. Неудержимым потоком шли телеграммы от бывших питомцев Михаила Андреевича. Только сейчас почувствовал старый учитель, как много человеческих жизней прошло через него, как много их рассеялось по всему необъятному Союзу.

Отовсюду, куда приходил номер «Правды» или «Учительской газеты» с Указом о награждении учителей, бывшие ученики, ставшие ныне взрослыми, уважаемыми людьми, спешили поздравить своего воспитателя, давшего им путевку в жизнь, пожелать ему долгих лет жизни и здоровья.

«Не пытайтесь вспомнить автора. Как бы вы ни напрягали свою богатую память, вам не вспомнить белобрысого школьника, по фамилии Карпов, который учился в Катав-Ивановском городском училище». Эти слова были написаны на официальном бланке, вверху которого значилось: «Главный инженер треста Петровскпромстрой». Учитель невольно подивился тому, как быстро бежит время, все-таки припомнив маленького белокурого мальчика. Кажется, давно ли он ласково называл его «Карлуша», а теперь этот «Карлуша» уже главный инженер большого строительного треста.

«Сколько жизней прошло через ваши руки,— продолжал читать учитель,— и в каждой жизни вы оставили свой хороший отпечаток, хорошие воспоминания. Вот прошло почти тридцать лет, а ваши глаза и сейчас смотрят на меня.

Я немного боялся вас и хорошо учил ваши уроки и сейчас с благодарностью вспоминаю, что вы научили по-настоящему меня уважать математику.

...Когда я прочел Указ, мне сразу же захотелось написать вам, написать от чистого сердца, написать потому, что великий Сталин увидел в далеком захолустном городке большого честного труженика и отметил его заслуги перед Родиной орденом Ленина. Радуюсь за нашу великую страну,

отмечающую в дни тяжёлых испытаний не только героев фронта, но и скромных, заслуженных героев глубокого тыла...»

А вот письмо от Ивана Дмитриевича Обвинцева. С ним Михаил Андреевич переписывался регулярно. Это письмо от учеников прошлогоднего выпуска. А чей этот удивительно знакомый почерк?

Михаил Андреевич, торопясь, разорвал конверт и прочитал:

«Михаил Андреевич дорогой, никогда забываемый! Я— одна из ваших когда-то уде давно-давно бывших учениц, девочка из глухого села Корлыханова, сидевшая всегда на первой парте...»

Да это же Наташа Комина!!

«...Сегодня я тоже награждена за долголетнюю работу в школе. И это за всех за нас наше чуткое правительство наградило вас высшей наградой...»
А вот еще одно интересно письмо из села Фоминского, Свердловской области:

«Дорогой товарищ! Вы— учитель, награжденный правительством орденом Ленина. Поздравляю вас от души, но, прочтя в «Правде» об этой высокой награде, я задался вопросом, не вы ли тот бывший ученик Благовещенску семинарии, который в 1896 году вместе со мной окончил курс? Если да, то особенно радостно поздравить уже не «вас», а тебя. Миша дорогой! Шутка ли, встретиться через 48 лет и как? Через газету!».

Да, двадцать пять человек окончили в конце прошлого века учительскую семинарию в городке на реке Белой. И вот от одного из них почти через полвека Михаил Андреевич получил весточку.

Много, очень много писем и десятки телеграмм получил в эти дни Михаил Андреевич.

Писали ему фронтовики, люди, которые ежеминутно смотрели смерти в глаза, но которые все-таки нашли время, чтобы поздравить его, старого учителя, и труженики тыла, рабочие и работницы заводов и фабрик.

Все они поздравляли народного учителя Смирнова и желали ему здоровья и долгих лет жизни.

Народный учитель!

Юноша, кончающий школу и выбирающий одну из тех широких путей-дорог, которые заботливо предоставила тебе Родина, вдумайся в великое значение этих слов.

Когда на торжественном вечере в родной школе тебе, переполненному огромной радостью, вручают аттестат зрелости, тебе кажется, что счастливее нет сейчас человека на земле. Но взглядишь внимательней! Едва ли не больше тебя счастлив в этот миг твой учитель. Не один год и не два он настойчиво и неумолимо отдавал тебе свои знания, готовил тебя к большой интересной жизни, и вот ты стоишь сейчас на пороге этой жизни.

Сколько раз ты огорчал учителя! Что скрывать? Были у тебя моменты, когда ты, выслушивая замечания учителя, считал его справедливые упреки мелочной придиркой, а его строгость педантичностью, не понимая, что он желает тебе только добра.

И вот однажды поздней ночью, проходя, темными улицами родного городка или поселка ты впервые замечаешь, что среди сплошной темноты горит свет в окне твоего учителя, видишь большую кипу тетрадей и склоненную над ними седую голову.

Все спят, и глубокая тишина царит кругом. Не спит только один он, старый учитель.

И внезапно теплая нежность, чувство сыновней благодарности к этому человеку охватывают тебя, и ты уходишь от этого дома с ярко освещенным

окном, полный необычайно высоких мыслей и чувств, с желанием работать так же самоотверженно и бескорыстно, как тот, чью склоненную голову ты видел сейчас в окне.

Челябинск... Прославленный город тракторостроителей. Большой залитый ослепительно ярким светом люстр зал.

Сюда собрались со всех концов области старейшие, заслуженные учителя, чтобы получить высокие награды, которых удостоила их Родина.

Когда Михаил Андреевич вошел в этот ярко освещенный зал, к нему бросилась скромно одетая седоволосая женщина и, припав к его плечу, смеясь и плача, проговорила:

— Михаил Андреевич! Не узнаете? Да ведь это же я, Наталья Комина, ваша ученица!

Вот и встретились они, старый учитель и бывшая его ученица, ныне тоже уже немолодая учительница, встретились спустя почти сорок лет.

Орденом Трудового Красного Знамени отметило правительство труд Натальи Романовны Коминой.

«Так вот какая ты стала, Наталья Комина», думал старый учитель, пристально вглядываясь в доброе лицо женщины.

Смелый открытый взгляд живых, глаз напоминал ему прежнюю Наташу, девочку из бедной крестьянской семьи.

Так много нужно было рассказать им друг другу, о многом переговорить, но едва они сели в кресла, началось вручение орденов.

Председатель торжественно читал текст Указа Президиума Верховного Совета СССР.

— «За исключительные заслуги в деле народного образования, воспитания молодого поколения, за безупречную и долготлетнюю работу в школе наградить...

Орденом Ленина... Смирнова Михаила Андреевича— учителя Юрюзанской средней школы...»

В волнении, которого он никогда еще не испытывал в своей жизни, поднялся старый учитель на сцену, принял красную коробочку с орденом и вернулся на место.

Наталья Романовна прикрепила ему на грудь орден. Глядя на светлый силуэт вождя, Михаил Андреевич задумчиво прошептал одно только слово:

— Ленин...

Он вернулся из Челябинска полный небывалой энергии и желания, несмотря на преклонный возраст, работать еще лучше.

Так во всепоглощающем труде незаметно для семьи Смирновых прошли ещё три года. Страна, как большой праздник, встречала день выборов в местные Советы депутатов трудящихся.

Этот день для семьи старых педагогов был вновь днем радостных и счастливых переживаний.

XI

За неделю веред выборами комсомольцы завода попросили пожилого производственника рассказать им, как проходили выборы в прежнее, царское время. Что ж! Старый рабочий хорошо знал, как проходили выборы, и какого невероятного труда стоило рабочим отстоять своего кандидата. Знал он и чем кончались такие «выборы»...

...В один из осенних дней 1907 года небольшой пароход оставил за кормой причалы Гельсингфоргского порта и, выйдя в открытое море, взял

курс на Стокгольм. Когда утих вдали говор таможенных чиновников и портовых жандармов, из трюма на нижнюю палубу поднялся человек. Низко надвинув на глаза черную шляпу, он с горечью смотрел на уходящий берег и вместе с тем с облегчением: опасность ареста миновала. Этот худощавый темнобородый человек, который туманным осенним днем бежал за границу, был депутатом II государственной Думы от Южно-Уральских заводов юрюзанский рабочий-слесарь большевик Серебряков.

3 июня 1907 года II государственная Дума была разогнана. Социал-демократические депутаты были арестованы и преданы суду. Восемнадцать депутатов отправили на каторгу, десять— в ссылку. Так расправилось правительство Николая кровавого с теми, кто защищал в думе народные интересы.

Обо всем этом и рассказал молодежи Василий Тихонович Кривошеев. Заканчивая свой рассказ, старый рабочий сказал:

Вы не видели и никогда не увидите того,

что довелось испытать нам, старикам. Но вы должны хорошо знать прошлое. Только тогда вы сумеете по достоинству оценить все величие сегодняшнего дня, только тогда вы поймете, что лишь в стране социализма депутат может по-настоящему стать слугой народа.

Предвыборное собрание рабочих Юрюзанского ордена Трудового Красного Знамени механического завода имени Кирова. Слово для выдвижения кандидата в депутаты областного Совета депутатов трудящихся берет рабочий Василий Тихонович Кривошеев. Поднявшись на трибуну, внимательно оглядывая притихший зал, он называет имя старой учительницы Марии Павловны Смирновой.

Предложение было встречено громом аплодисментов и радостными улыбками. Пожилой рабочий стоял на трибуне и взволнованно глядел на присутствующих.

Перед ним стояли рабочие и работницы, те, кто своим самоотверженным трудом заслужили орден, горящий сейчас на заводском знамени. Они рукоплескали старой народной учительнице, у которой за плечами было пятьдесят шесть лет жизни, и около сорока лет работы в школе.

Народный учитель? Кто из них не сохранил в своей памяти чувства благодарности и уважения к нему? Большинство из присутствующих учились у Марии Павловны. Один за другим рабочие, работницы, инженеры, техники, близко знавшие Марию Павловну, говорили о простой, скромной труженице.

— Сотни юношей и девушек воспитала Мария Павловна за тридцать лет учительской деятельности в нашем городе,— взволнованно говорил заместитель начальника инструментального цеха Иван Семенович Кузнецов.— Её ученики разъехались по всему Советском Союзу. И где бы они ни были— в шахте, у станка, в институте— везде они с благодарностью вспоминают свою учительницу, сумевшую воспитать в них любовь к Родине и указать дорогу в жизнь. Мне пришлось учиться у Марии Павловны два раза: мальчиком в обычной детской школе и уже взрослым— в вечерней школе рабочей молодежи, которую я недавно закончил. И я помню, с каким интересом мы занимались изучением русского языка и литературы на уроках Марии Павловны. Она научила нас любить великий русский язык, понимать произведения наших замечательных поэтов и писателей...

А в это время на другом конце города, в клубе электростанции, также шло собрание по выдвижению кандидата в депутаты областного Совета депутатов трудящихся. Стоя на ярко освещенной сцене, участник Великой Отечественной войны, комсомолец Иван Клепинин говорил:

— Мы, молодежь, воспитанники средней школы, прошедшие суровую школу войны, всегда с уважением вспоминаем о Марии Павловне. Она— достойная дочь великого народа...

И так же как на собрании коллектива орденосного завода, гром аплодисментов был ему ответом...

ХII

Горячие лучи весеннего солнца льются через большие окна в просторные светлые классы, ярко освещая висящие на стенах таблицы, карты, картины. Тихо и торжественно сегодня в школе. Идут экзамены. В классе, на двери которого висит табличка с надписью «экзамены на аттестат зрелости», выпускники сдают экзамен по литературе. За столом, накрытым красной скатертью, сидит Мария Павловна, рядом ней— председатель комиссии Василий Дмитриевич Щеткин и ассистенты. У доски отвечает на последний вопрос билета голубоглазая девушка с пышной русой косой. Она читает «Стихи о советском паспорте», и ее большие лучистые глаза сияют радостью, когда она гордо вскинув голову, произносит заключительные строки:

«Читайте!

Завидуйте!

Я— гражданин Советского Союза!»

Василий Дмитриевич наклоняется к учительнице и, улыбаясь, что-то тихо говорит ей. Улыбается и Мария Павловна, с довольным видом ставя оценку. Быстроглазый паренек, все время внимательно следивший за рукой учительницы оборачивается и, подмигнув девушке с русой косой, показывает ей пять пальцев - «пятерка»...

Сколько таких экзаменов было в жизни старой учительницы, сколько учеников прошло перед ее глазами, но по-прежнему легкое волнение охватывает ее в эти дни! Не за исход экзаменов волнуется она. Нет, она знает, что все будет хорошо, что знания учеников прочны и глубоки, но как

можно оставаться спокойно в такой торжественный день, когда в жизни питомцев открывается новая страница.

...На груди Марии Павловны вспыхивает на солнце орден Ленина.

Орден Ленина на груди учителя!

Этой высшей наградой отметила Родина жизненный подвиг своего вождя, учителя жизни миллионов трудящихся во всем мире, в день его семидесятилетия и скромный труд рядового педагога, каких тысячи в нашей стране. Вот пришло то время, о котором мечтал В. И Ленин— гениальный основатель Советского государства. Народный учитель стоит у нас, в нашей стране, на такой высоте, на которой ни когда не стоял и не может стоять в буржуазной стране. Советский учитель окружен у нас всеобщим почетом, уважением, всенародной любовью.

Полнокровной жизнью живет пожилая учительница, дочь фельдшера-самоучки, внучка крепостного. Занятия с учениками в школе, внеклассная работа, занятия различных кружков, участие в мероприятиях клуба или библиотеки, лекции, проведение читательских конференций - вот ее повседневная работа. Она приносит ей большое удовлетворение, большое счастье!..

Очень часто к ней, к Марии Павловне, приходят рабочие, работницы за советом, за помощью и всегда встречают с ее стороны горячее участие и поддержку.

Михаил Андреевич Смирнов теперь персональный пенсионер. Семьдесят три года старому педагогу. Пятьдесят три из них он отдал воспитанию молодежи. Полвека в школе! За плечами— большая жизнь, большая не только по числу прожитых лет, но и по тому, как много сделано за эти годы... Непривычно, неловко почувствовал себя Михаил Андреевич, когда сентябрьским утром 1949 года впервые за все пятьдесят три года он не пошел в школу. Но старый учитель не остался без дела. Он трудится над

созданием методического руководства для молодых учителей. Он стремится обобщить свой богатый опыт и передать его молодежи.

В Юрюзанской средней школе добрая половина учителей— его бывшие ученики. Один из его любимых учеников— Петр Васильевич Попов преподает теперь вместо него математику. В этой же школе преподает физкультуру сын Смирновых Евгений, перед войной окончивший Институт физической культуры имени Лесгафта в Ленинграде...

На станции Миасс в железнодорожной школе заведующим учебной частью и преподавателем литературы работает Иван Дмитриевич Обвинцев. Почти полвека прошло с тех пор, как корлыхановский учитель Смирнов отвез крестьянского сына Ваню Обвинцева в учительскую семинарию, но не забыл и никогда не забудет об этом Иван Дмитриевич. По-прежнему можно прочитать в его глазах глубокую любовь и благодарность, когда он вспоминает о своем учителе...

...В 22-й женской средней школе города Златоуста заведующей учебной частью работает Наталья Романовна Комина. Тридцать девять лет педагогической работы. Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени на ее груди лучше всяких слов говорят о том, что свою клятву быть похожей во всем на любимого учителя, данную еще в детстве в глухом селе Корлыханове, она выполнила с честью. А в уральском селе Корлыханове учительствует её сестра Мария Романовна. Громадные перемены произошли с тех пор в жизни села. Михаил Андреевич, пожалуй, не узнал бы сейчас Корлыханова. В селе две начальных и одна средняя школа, хороший клуб и большая библиотека. Сейчас никого не удивляет, а считается самым обычным делом, если молодые корлыхановцы после окончания школы едут учиться в вузы. Диким и страшным кажется молодежи то время, когда скромная профессия сельского учителя была для крестьянских детей недостижимой мечтой. Из корлыхановской молодежи наберется сейчас не один десяток представителей славной трудовой интеллигенции— не только

учителей, а и врачей, инженеров, агрономов, техников, работников науки. В колхозе несмотря на свой преклонный возраст, трудится семидесятилетний колхозник Гавриил Львович Патраков, учившийся у Михаила Андреевича Смирнова в воскресной школе. Когда на Южном Урале появились колчаковские банды, Гавриил Львович попрощался с семьей, вскинул на плечо винтовку и ушел, в горы, к партизанам, ушел бороться за ту счастливую, правильную жизнь, о которой говорил ему когда-то учитель Смирнов.

И сейчас, глядя на бескрайние колхозные поля, по которым в конце лета среди тучных хлебов плывут комбайны, на дороги, по которым мчатся колхозные грузовики, отвозя на элеваторы золотое зерно, Гавриил Львович удовлетворенно думает:

«Вот и пришла она, эта счастливая, справедливая жизнь, в которой все твое благосостояние зависит только от тебя, от твоего собственного труда».

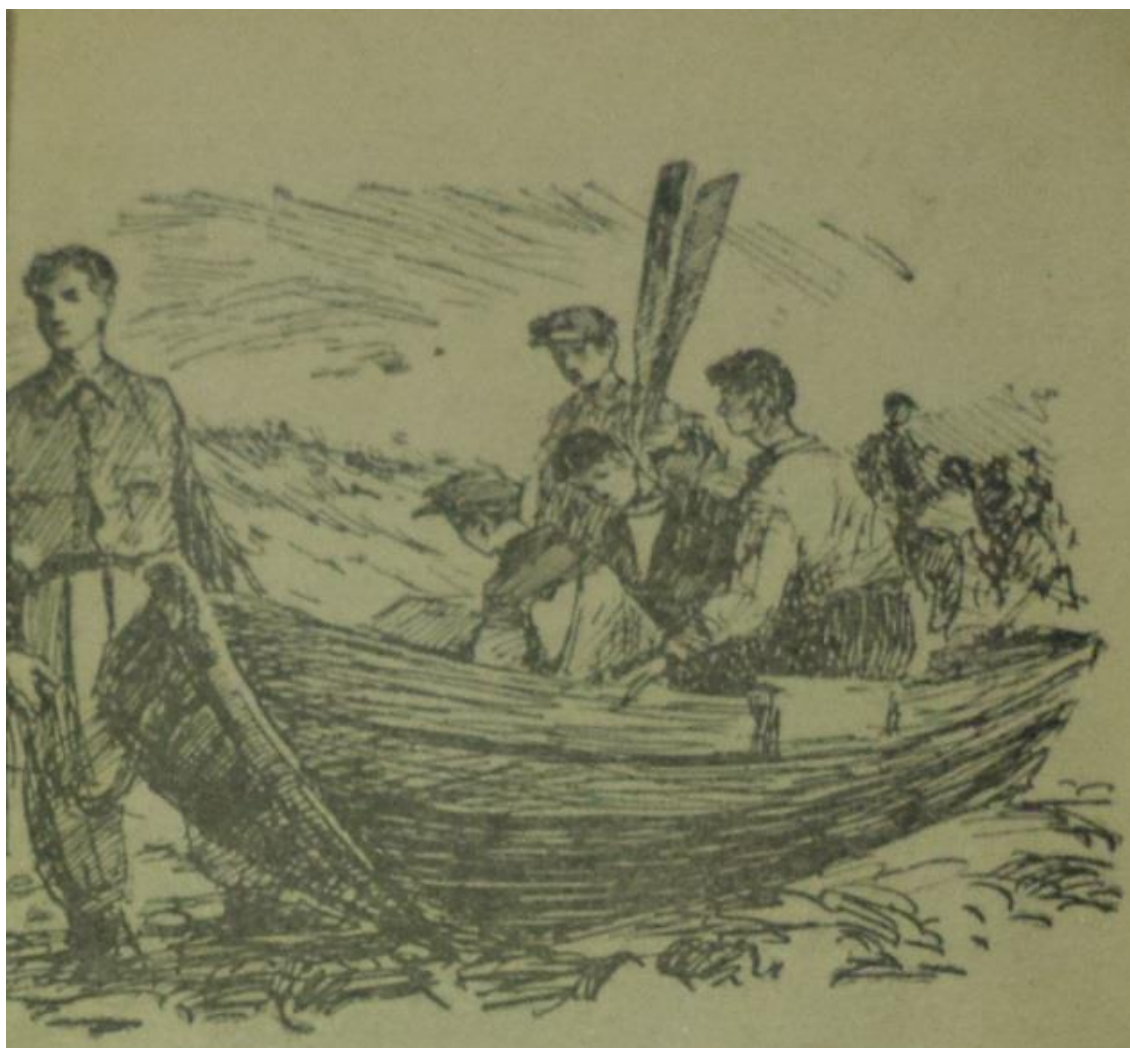
На берегу реки Ик стоит здание корлыхановской электростанции. Лампочка Ильича, радио, кино, книги и газеты прочно вошли в быт колхозников.

Над приземистым старым кирпичным зданием, в котором когда-то помещалось корлыхановское училище, надстроен второй этаж.

Сейчас в этом измененном до неузнаваемости здании помещается детский дом для детей, родители которых погибли во время Великой Отечественной войны. Теплыми летними вечерами веселый детский смех доносится из старого тенистого сада, который до сих пор любовно зовут в Корлыханове «Садом Михаила Андреевича».

Широко раскрыв пытливые глаза, жадно слушают дети рассказы о том, кто полвека назад в страшную, беспросветную пору принёс в тёмное, глухое село светлый луч разума, знаний и надежды; кто тогда своими руками посадил эти шумящие теперь густой листвой деревья; кто как заботливый

садовник, в течение всей своей жизни любовно выращивает самую величайшую драгоценность нашего советского общества – людей, строителей, созидателей, творцов, зодчих...

СРЕДИ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

I

Тихо было ранним утром 24 июня 1936 года на маленькой станции, над входными дверями которой белела доска с надписью «Юрюзань— завод». Сонная тишина нарушалась только монотонным, однообразным плеском воды в реке и легким, едва уловимым стуком заводских машин, долетавшим

сюда с другого берега. Туман над рекой еще не рассеялся, и утреннее солнце проглядывало сквозь него расплывчатым светлым пятном. Неожиданно эта сонная тишина была нарушена смехом и шумом большой ватаги мальчиков и девочек, заполнивших перрон. Они подходили к станции в одиночку, парами и целыми группами, снимали с себя заплечные мешки, весело здоровались, шутили, смеялись.

Вот пришел белокурый паренек в черной сдвинутой набекрень кепке; следом за ним явились две девочки в светлых сиреневых платьицах.

Паренек положил свой мешок на перронную скамейку, где уже возвышалась куча вещей, и, подойдя к стоявшей неподалеку группе ребят громко и нарочито серьезно произнес:

— Здорово, «сухопутные».

Последнее слово он произнес, иронически подчеркивая свое превосходство над теми, кого он приветствовал.

— Здравствуй, морской волк, в тон ему ответила бойкая черноглазая девочка.

Ребята засмеялись. Но паренька это не смутило. Он так же важно подошел к другой группе.

— Привет коллегам-мореплавателям!

Почувствовав, что ребята не поддержали его тона, он сбросил шутливую торжественность и деловито осведомился:

— Что Владислав Антонович не пришел еще?

— Сейчас должен подойти,— ответила светловолосая голубоглазая девушка в скромненькой синей блузке,— До поезда еще десять минут, а ты же знаешь, что он всегда приходит точно, ни минутой раньше, ни минутой позже...

Взрослые пассажиры с любопытством разглядывали оживленных ребят. Они уже знали, что эта шумная ватага— ученики Юрюзанской средней школы, отправляющиеся на экскурсию.

Скоро взрослым из рассказов ребят стали известны и кое-какие подробности. Одна группа ребят— семнадцать восьмиклассников, которых все называли «сухопутными»,— едет с двумя учителями в Белорецк, чтобы осмотреть металлургический завод, а заодно и окружающие окрестности. Второй группе— ученикам девятого класса, или «мореплавателям»,— предстоит более интересное и увлекательное путешествие. Им нужно было проплыть на лодках не одну сотню километров по рекам Юрюзани, Уфе и Белой, прежде чем они доберутся до города Уфы. С ними едет сам директор школы.

— Владислав Антонович пришел!— хором закричали экскурсанты, бросаясь навстречу загорелому, темноволосому, средних лет мужчине, в котором при первом же взгляде нетрудно было угадать спортсмена. Это и был директор школы Владислав Антонович Козловский. И сейчас же, словно он только и ожидал прихода директора, из-за поворота показался поезд; пыхтя и выпуская белые клубы пара, он остановился у платформы.

Участники белорецкой экскурсии полезли в вагоны, прощаясь с товарищами и пришедшими их провожать родителями.

— Смотри же, Левушка, не простудись, бога ради,— говорила одна из мамаш.— Вот шарфик... Возьми на всякий случай.

— Ах, мама, да не надо мне!..— краснея и озираясь на ребят, отвечал Левушка, рослый, здоровый парень в голубой майке.— Ведь, пойми же, июнь месяц... жара. А ты – шарфик! - И он еще раз с беспокойством оглянулся, боясь, как бы кто-нибудь из его товарищей не услышал этого разговора.

— Ну, ну... не выдумывай... - настаивала мамаша.— Это ведь я так, на всякий случай. Вы же гам на поры полезете, вдруг ещё дожди пойдут!

У другого вагона бойкий сероглазый паренек, просунув руку в окно и дергая за рукав своего приятеля, шутливо говорил:

— Смотри же, Петька, пиши с дороги!.. Мы не вам чета, «сухопутным», дольше пробудем в экскурсии. Интересно будет получить весточку о вашем житье-бытье.

— А чего писать?— флегматично отвечал Петька, веснущатый, невзрачный с виду юнец. - Смотрите чаще на воду. Мы вам по течению! реки Юрюзани пошлем что-нибудь.

Ребята, толпившиеся у вагона, дружно рассмеялись:

— Ладно, будем оглядываться, не догонит ли ваше письмо наши лодки.

Поезд дал гудок, лязгнул буферами и тронулся, провожаемый криками и напутствиями оставшихся на перроне «мореплавателей». Но вот скрылся за поворотом дороги последний вагон. Ребята, взяв свои мешки, направились к реке. Здесь у берега покачивались на волнах две лодки, на бортах которых красовались тщательно выведенные чьей-то заботливой рукой! названия «Вперед» и «Юность».

Когда были уложены вещи и экскурсанты разместились по лодкам, директор встал и четко, по-военному скомандовал:

— Внимание! На шлюпке «Вперед», на шлюпке «Юность», слушай мою команду! Отдать концы!

— Есть отдать концы!— ответил худощавый белобрысый подросток. Однако, не выдержав серьезного тона, он озорно блеснул глазами и, отталкиваясь шестом от берега, запел во все горло тут же им самим сочиненную песню:

Из завода Юрюзани

По течению реки

Выплывали мы на лодках

Вниз, до города Уфы...

Ребята дружно подхватили мотив неожиданно возникшей песни.

Маленькая флотилия выбралась на середину реки и устремилась вперед, навстречу неизвестному, новому, еще невиданному.

Так началось увлекательное пятнадцатидневное путешествие юрюзанских школьников; путешествие, положившее начало замечательной традиции, установившейся с этого времени в Юрюзанской средней школе.

II

К путешествию школьники начали готовиться еще весной.

Однажды в декабре, на уроке физики в восьмом классе, объясняя тему «Распространение звука в воздухе», учитель физики, он же директор школы, Владислав Антонович Козловский сказал:

— Между прочим, хочу вам сообщить, что летом школа предполагает организовать две экскурсии учеников старших классов. Там вам самим предоставится возможность наблюдать разницу в скорости распространения звука на высокой горе и у ее подножья.

После урока на Владислава Антоновича со всех сторон посыпались вопросы:

— А что за экскурсия?

— Когда она будет?!

— А все поедут или нет?

— Тише, ребята! Тише! Сейчас могу знать только одно,— заявил в ответ ребятам Владислав Антонович,— те, кто будет учиться плохо и не сдаст весенних экзаменов, конечно в экскурсию не поедет. Это ясно. А подробности путешествия мы с вами обсудим через некоторое время...

Всю зиму в школе шли приготовления к предстоящим путешествиям. В начале лета, успешно сдав экзамены, школьники отправились, наконец, в путь.

Когда окрепшие, загорелые, набравшиеся новых впечатлений ребята возвратились домой, они сразу же заявили директору школы о том, что такое путешествие надо обязательно, повторить и в будущем году. Владислав Антонович был вполне согласен со своими молодыми друзьями. Перебирая в памяти события только что закончившегося лодочного путешествия Юрюзань—Уфа, он понял, что туристские походы— не забава, не развлечение, а могучее средство воспитания. Особенно остро почувствовал это Владислав Антонович, когда прочитал сборник статей Ушинского. В статьях великого русского педагога он нашел интересные высказывания, подтверждавшие собственные его наблюдения.

«Я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение,— писал Ушинский,— что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога, что день, проведенный посреди рощ и полей... стоит многих недель, проведенных на учебной скамье...»

И школа приступила к систематической организации ежегодных экскурсий. Ни одно лето юрюзанских школьников не проходило с тех пор без путешествий по родному краю. Очень скоро в организации путешествий стали принимать участие и остальные учителя школы.

В подготовке к экскурсии большую помощь школе оказывали предприятия и организации города.

Подготовка к путешествиям была очень серьезной. Как правило, с осени начинал работать кружок юных натуралистов, в котором ребята группировались по секциям: гидрологов, ботаников, геологов, рыболовов. Увлекательная работа в кружке шла параллельно, рука об руку с занятиями в школе.

Обычно в туристские походы шли ученики старших классов— восьмого, девятого— причем предпочтение отдавалось классу, показавшему лучшую успеваемость. Этот порядок, ставший неписаным законом, был хорошо известен всей школе.

Но вот однажды о своем желании идти в поход заявили и шестиклассники.

Бойкая детвора просила директора в награду за отличную учебу организовать поход и для них. Как ни колебался Владислав Антонович, а просьбу шестиклассников пришлось удовлетворить. Впрочем, опасения директора оказались напрасными: в семидневном походе на хребет Зигальга шестиклассники показали себя ничуть не хуже своих старших товарищей-комсомольцев...

Прежде чем отправляться в длительную экскурсию, Владислав Антонович обычно совершал с туристами первый пробный выход в лес. Где-нибудь на берегу реки ребята учились строить шалаш, быстро разводить костер, обретали десятки других необходимых в походе навыков. Когда все предварительные приготовления были сделаны, Владислав Антонович вел туристов в настоящий поход.

В первых же путешествиях директор по-настоящему смог оценить их огромное воспитательное значение. «Да, прав, тысячу раз был прав великий русский педагог, утверждавший, что день, проведенный среди природы, стоит многих недель учебного года!»— думал он.

Туристские походы прививают неоценимые качества советского человека: умение жить в коллективе, подчинять свои интересы интересам всей группы, уважать товарищей. Нигде так сильно не развивается чувство товарищества, как в длительном походе, где приходится часто помогать товарищу и принимать помощь от него, где делятся друг с другом последним. Сколько мелких, иногда даже на первый взгляд незначительных событий и происшествий во время многочисленных экскурсий давали Владиславу Антоновичу благодарный материал для воспитательной работы!

Однажды в одну из первых экскурсий на гору Яман-тау— высочайшую вершину Южного Урала— ребята, торопясь поскорее взять штурмом горный кряж, целый день шли форсированным маршем по крутым склонам.

Больших привалов не было, горячей пищи за весь день не готовили ни разу, и каждый довольствовался теми запасами сахара и сухарей, которые взял из дому. Поздно вечером, когда трудный путь остался позади и экскурсанты, расположившись на ночлег в небольшой горной деревушке, готовили ужин, две девочки случайно проговорились, что они весь день ничего не ели, так как своих сухарей из дому не взяли, а сказать об этом постеснялись. Как ругал себя директор школы за невнимательность! В беседе, которую он сейчас же провел с экскурсантами, он говорил о внимании друг к другу. Если бы ребята были внимательней к своим товарищам, то, конечно, заметили бы, что две девочки в течение целого дня ничего не ели. И, видя, как виновато и смущенно молчат ребята, стараясь не глядеть друг другу в глаза, Владислав Антонович понял: подобный случай больше не повторится.

С самого начала отказался директор школы от поверхностного, беглого знакомства с природой, зная, что такое верхоглядство принесёт детям очень мало пользы. «Не только с той целью, чтобы посмотреть на живописные уголки, должны совершаться наши экскурсии,— сказал себе Владислав Антонович.— Смотреть— дело нетрудное. А вот стремиться проникнуть в

самое существо явлений умеют далеко не все даже взрослые, а ведь это качество необходимо каждому ученому-исследователю, да и людям практической работы». И Владислав Антонович стремился, прежде всего, научить подростков «видеть», разбудить в них пылливый ум, жажду знаний, чтобы каждый туристский поход помогал на практике, в непосредственной близости с природой изучать естественные науки.

Но туристские походы помогали не только изучать такие дисциплины, как география и естествознание. Они являлись вместе с важным средством коммунистического воспитания, воспитания советского патриотизма. Ведь близко и всесторонне узнав свой край, нельзя не полюбить его еще больше.

* * *

В школьной библиотеке хранится стопка ученических тетрадей. Одни из них— большие и толстые (аккуратно переплетенные), другие— тонкие; одни исписаны мелким почерком юноши, другие— крупным детским почерком шестиклассника. В каждой тетради много рисунков и фотографий. На обложках четкими буквами выведено: «Дневник». Это— дневники участников экспедиций Юрюзанской школы. Обычно дневник вел каждый участник похода; но всегда из числа ребят, лучше всех успевающих по литературе, выбирался «главный корреспондент». Ему поручался общий дневник экспедиции. Потом все дневники собирались, обсуждались на общем собрании и сдавались в библиотеку, откуда любой из школьников мог их получить для ознакомления.

Четырнадцать походов и экскурсий совершили юрюзанские школьники за несколько лет.

В эти годы они не только вдоль и поперек исходили свой район. Они побывали в Москве, и шумная кипучая жизнь столицы, преобразуемой по сталинскому генеральному плану, с ее Кремлем, чудесными подземными дворцами метро и Третьяковской галереей— национальной гордостью русского народа— произвела на юных путешественников неизгладимое впечатление. Они побывали в Ленинграде и его окрестностях, с восхищением и восторгом рассматривали бессмертные творения архитекторов Захарова, Воронихина и Растрелли, фонтаны Петродворца и великолепные дворцы города Пушкин, из которых Октябрьская революция вымела туеядцев. Они побывали в городе Калинин, совершили поездку по Волге и каналу Москва-Волга. С каждым годом во всем своем многообразии раскрывалась перед ними необъятная ширь Родины, ее несметные сокровища.

Чаще и больше всего юрюзанские школьники путешествовали по родному краю.

Южный Урал! Сколько здесь гор и лесов! Могучие горные хребты, отвесные скалы, бесчисленные реки и ручейки. Прекрасная и величественная природа! Маленьким ручейком, теряющимся среди огромных камней, начинается у подножия Яман-тау река Юрюзань, горные ключи несут в нее свои воды, и с каждым километром становится она все шире и полноводнее. С двух сторон сжали ее горы, и бурлит она меж отвесных берегов, ударяя скалы...

Не зря с незапамятных времён башкиры дали реке название Ур-зень «коварное течение».

В пределах Катавского района бурлящей реке очень редко удается прижаться к берегу глубоким вольным плёсом, в таких местах недвижно склоняют над водой свои ветви и задумчиво смотрят в зеркальную гладь реки ива и черемуха; летними вечерами нет-нет, да и прыгнет из воды рыба, играя,

сверкнет в лучах заходящего солнца,— и снова тишина, круги разбегаются по воде...

Вот по этим местам, вдоль берегов быстрой и шумливой Юрюзани, и совершались многочисленные экскурсии. Юные путешественники возвращались домой загорелые, жизнерадостные, полные новых впечатлений и новых сил для предстоящего учебного года.

III

Летом 1939 года Владислав Антонович отправился с учениками восьмого и девятого классов в большой комбинированный поход. Часть пути надо было пройти пешком, другую часть - проплыть на лодках. Лето на Южном Урале выдалось на редкость жаркое и сухое. Через пять дней путешествия по горам ребята добрались до села Тюлюк. Отсюда тридцать два туриста должны были плыть вниз по реке на лодках. Но когда ребята подошли к реке, Костя Попов, шедший впереди, огорченно присвистнул:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Река- то без воды!

В самом деле, воды в Юрюзани почти не было, только на самой середине, меж больших, покрытых зеленоватой плесенью камней, журча извивался маленький ручеек.

Ребята остановились и вопросительно поглядели на своего руководителя.

— Вот что, ребята,— поняв этот молчаливый вопрос, сказал Владислав Антонович.— Раньше времени нос вешать не годится, и отступить перед первой же трудностью тоже не следует. Я думаю так: придется

протащить лодки волоком. Неподалеку отсюда в Юрюзань впадают река Березяк и ключ Каменный, там нам будет легче. Ну, как, согласны?

— Конечно, потащим!— дружно согласились экскурсанты.

— А теперь,— продолжал директор,— нужно разбиться на команды, и каждой команде выбрать себе капитана. Лодок у нас четыре, значит, и капитанов должно быть четыре.

— А вам, Владислав Антонович, мы присвоим звание адмирала,— крикнула Таня Абаимова.

— Верно!— поддержали ее ребята.— Пусть Владислав Антонович будет адмиралом!

— Ну, хорошо,— улыбнулся директор.— Адмирал так адмирал! А теперь за дело!

И флотилия из четырех лодок растянулась по реке. Странное это было зрелище. Среди больших, острых камней, как среди торосов, в узеньком фарватере реки, под дружное пение «Дубинушки» тридцать два человека волоком тащили большие тяжелые лодки. Ноги ребят скользили по поросшим зеленым мхом камням. Экскурсанты то и дело оступались, теряя равновесие. Хорошо еще, что юные путешественники предусмотрительно обулись в лапти. Ступать босыми ногами по каменистому дну было бы невозможно.

Едва ребята оставили за поворотом окраинные домики Тюлюка, как им повстречались два деда. Седобородые, загорелые дочерна, они стояли на берегу и, глядя на странную флотилию, посмеивались.

— Глянь, ты глянь, Кузьмич, чего выдумали! Ха-ха-ха!— заливался один из них высокий и худощавый, с окладистой бородой. - Реку курица пешком перейдет и ног не замочит, а они плыть надумали!

— А ты глянь,— отзывался другой,— как у них корабль-то прозывается. Гляди, как шельмецы назвали: «Вперед»! Ха-ха-ха! Ну, я тебе скажу, на этой самой «Вперед» они далеко не уедут!

— И чего вы, деды, смеетесь?..— обозлился капитан лодки Гена Буслаев. Смеяться, конечно, легко, а вот тащить лодки трудновато... Так что нам не до смеху...

— А ты не серчай, милоч,— сквозь смех добродушно сказал худощавый старик.— Вед мы к чему смеемся? А к тому, что всякое дело надо с умом делать. К лодкам этим вас как-будто никто не привязал, а вы волокете их по дну на себе. Ведь это ж курам насмех!

К лодкам нас никто не привязал... Это верно,— продолжая разговор с дедами, заявил Гена.— Но мы сами решили добраться до большой воды... и доберемся!.. Мы упорные! Верно, ребята?

— Верно! Верно!..— хором закричали школьники. Старики только покачали головами.

Однако продвигаться вперед было очень трудно. За весь день, с раннего утра и до позднего вечера путешественники «проплыли» всего... три километра. Когда на привале отрядный радист Володя Климанов установил антенну, и из приемника очень знакомый голос артиста пропел «Капитан, капитан, улыбнитесь», то даже это никого не развеселило. Измученные ребята хотели только одного: спать, спать и спать...

На следующий день штурмом взяли четыре километра, еще через день— пять. Темпы нарастали. За эти несколько дней похода ребята похудели, почернели под палящими лучами солнца, руки у многих были поцарапаны, покрылись мозолями и ссадинами; одежда на многих ребятах

порвалась, лапти от долгого пребывания в воде развалились. Словом, когда ребята добрались, наконец, до деревни Петропавловки, они были похожи не то на сошедших с полотна репинских бурлаков, не то на разбойников...

На следующий день, рано утром, когда экскурсанты еще крепко спали в здании петропавловской школы, Владислав Антонович отправился на разведку. Результаты разведки были самые неутешительные. Путь впереди был такой же трудный.

Владислав Антонович знал, что проклятые перекаты должны скоро кончиться, кроме того, где-то в верховьях прошли дожди, и вода должна скоро хоть немного прибыть в реке, но

хватит ли у ребят выдержки преодолеть этот последний десяток километров тяжелого пути? Что делать? Где выход?

Конечно, можно бросить лодки и идти пешком. Правда, он обещал леспромхозу доставить лодки обратно в Юрюзань, но там поймут, поверят и даже не упрекнут его, если он явится без лодок. Но разве это выход из положения. Он должен воспитывать в подростках настойчивость, упорство, а разве не в борьбе с препятствиями вырабатываются эти качества, необходимые советскому человеку— строителю новой жизни?!

Ученикам восьмого-девятого классов, комсомольцам, пора знать, что жизнь— это не одно удовольствие, что на жизненном пути встречаются препятствия и трудности и надо не бояться этих трудностей, а уметь их преодолевать.

Так размышлял Владислав Антонович.

На миг в памяти всплыло волевое, энергичное лицо Макаренко— любимого и авторитетного педагога, которому он всегда стремился подражать и у которого многому научился, и Владислав Антонович спросил себя: а как поступил бы в таком случае Макаренко? Бросил бы он лодки или

нет? И, вспомнив знаменитый лозунг колонистов Макаренко— «Не пицать!», директор удовлетворенно улыбнулся:

— Нет, Макаренко не бросил бы лодок. Значит не должны бросать и мы!

А в это время в школе, где ночевали ребята, произошли следующие события.

Дежурная Таня Абаимова, видя, что никто

из ребят не поднимается сам, стала будить их, бесцеремонно расталкивая:

— Да вставайте же, наконец!.. Пора! Скоро завтрак поспеет...

— А куда спешить?— лениво позевывая, спросил Вася Сафронов, светлоглазый паренек, с трудом разгибая спину и морщась от боли, пронизывающей каждый мускул.— Успеем

еще!..

— Как куда спешить?— возмутилась Таня,— завтракать, говорю, нужно и ехать.

— Это на чем же ехать?— ехидно усмехнувшись, спросил Вася.

— Как на чем?— оторопело взглянула на него Таня.— На лодках, конечно. Да вы что сегодня? С ума, что ли походили все?

— Сойдешь тут с ума,— пробурчал Вася, а из угла комнаты кто-то мрачно пошутил.— Это еще неизвестно, кто на ком будет ехать, мы на лодках или опять лодки на нас.

В школе поднялся шум.

— Вот что, ребята!— закричал Сафронов, в волнении ероша свои светлые, коротко остриженные волосы.— Я предлагаю бросить лодки и идти пешком! Хватит!.. Помучились! Что нас привязали к ним что ли?

— Бросить?— насмешливо спросил его капитан Костя Попов.— Так тебе адмирал и позволит бросить лодки! Он их обратно в леспромхоз обещал доставить.

—А мы что, по-твоему, двужилые что ли?— крикнул Вася, протягивая вперед руки со вздувшимися мозолями.— До каких же это пор дальше такое терпеть можно?.. Вы, как хотите, а я пойду пешком!

— Неудобно как-то, ребята, бросать лодки,— сказал смущенно, почесывая затылок Гена Буслаев.— Что о нас в школе-то скажут?

— Ах, вам неудобно?!— набросился на него Сафронов.— Скажите, пожалуйста! Ему неудобно! Уж молчал бы лучше. Будто я не вижу, что сам ты в душе согласен со мной, только звание твое капитанское не позволяет тебе марку терять!

— Верно, Васька!— загудели со всех сторон

— Бросим лодки!

— Хватит!..

Вдруг в дверях показался Владислав Антонович. Ребята замолчали, воцарилась мертвая тишина.

— Что здесь происходит?— стараясь казаться спокойным, спросил директор. Ребята угрюмо молчали.

— Владислав Антонович!— выступил вперед Сафронов.— Мы устали и тащить дальше лодки не можем. Мы пойдем пешком!

— Кто это «мы»?

— Мы— все...— ухмыльнулся Сафронов.

— Все ли?.. Не знаю,— и, повысив голос, директор напомнил ребятам:— Я знаю другое. Мы все решили идти вперед и, несмотря на трудности, добраться до большой воды: нам доверены лодки— государственное имущество. Мы его бросить не можем. Мы должны беречь государственное добро. Мы не можем отказаться от плавания, когда большинство трудностей позади. Впереди у нас большой и интересный путь! Что о нас будут говорить в школе, когда узнают, что мы испугались трудностей?.. Итак, митинг объявляю закрытым! А сейчас всем идти завтракать! Капитанов прошу остаться. Остайся и ты, Сафронов...

Вечером, когда очередные восемь километров остались позади, Вася Сафронов при свете костра записал в свой дневник:

«...Сегодня утром в беседе с нами Владислав Антонович приводил примеры героизма из нашей советской действительности, когда людям приходилось в сотни раз тяжелее, чем нам, но они не боялись трудностей, а мужественно их преодолевали и добивались, наконец, своей цели.

Он рассказал о строителях города Комсомольска-на-Амуре, которые в стужу баграми перетаскивали бревна по узкому каналу, прорубленному во льду Амура.

Я понял, что поступил глупо, недостойно. Особенно я это почувствовал после личной беседы с Владиславом Антоновичем.

«Ты хороший человек, но у тебя нет выдержки, а она для тебя необходима»,— сказал он мне».

Ночью разразилась гроза. Вода хлынула сверху сплошным потоком, точно в небе где-то образовалась дыра. Вековой лес глухо шумел под сильными порывами ветра; ослепительно яркие вспышки молний на миг вырывали из темноты край палатки, за которым виднелись немного

испуганные лица девочек, давно потухший костер и ближайший ряд сосен; дальше ничего нельзя было рассмотреть за сплошной пеленой дождя.

Раскаты грома усиливались и многократно повторялись гулким эхо; временами казалось, что сами небеса обрушились на землю.

Дождь шел всю ночь. Утром он кончился так же внезапно, как и начался, и в безоблачном, точно вымытом, небе засияло солнце. Утих монотонный, однообразный шум дождя, всю ночь барабанившего по брезенту палаток, но теперь в воздухе стоял другой шум, более сильный, доносившийся со стороны реки. Путешественнице прибежали на берег и изумленно вскрикнули. Трудно было поверить глазам: река, еще вчера вечером тихо и лениво пробиравшаяся между камней узкой ниточкой, теперь бушевала. Скрылись под водой камни и перекаты, вода неслась стремительным ревущим потоком.

Лодку, которой командовал Костя Попов, унесло водой, и ребятам неминуемо пришлось бы с ней проститься, если бы бурное течение тут же неподалеку не посадило ее на большой камень.

Теперь уже сам «адмирал» не прочь был бы отказаться от лодочного путешествия, опасаясь, что рулевые не справятся с сильным течением и какую-нибудь лодку разобьет о береговые скалы. Но опасения были напрасны. В этот день ребята с лихвой были вознаграждены за все перенесенные лишения. Без всяких усилий проплыли они в этот день больше пятидесяти километров, не переставая восхищаться и любоваться горными пейзажами, которые открывались им с каждым новым поворотом реки...

Дома, подводя итоги этой экскурсии, Владислав Антонович записал в своей памятной тетради:

«Двенадцатидневное путешествие, полное трудностей и лишений, закончено. Участники его получили хорошую физическую и волевою тренировку, так необходимую для молодого поколения. Я надеюсь, что

подобная закалка поможет ребятам в будущем всегда с честью найти выход из любого трудного положения, преодолеть любые препятствия».

Директор был прав: когда участникам походов пришлось по зову Родины взять в руки оружие, все они оказались прекрасными солдатами.

IV

Зимой 1941 года Владислав Антонович и девятиклассница Нюра Овечко вернулись из Москвы, со всесоюзного слета юных натуралистов, полные новых впечатлений и небывалой энергии. Директор привез с собой официальное письмо Центральной детской туристской станции, в котором было написано, что юрюзанским туристам поручается исследовать верховья реки Юрюзани.

С большим интересом прослушали ребята на собрании кружка сообщение Владислава Антоновича о поездке в Москву, о выступлениях на слете туристов из других областей, о встрече с писателем Михаилом Пришвиным— большим любителем и знатоком природы.

— Отныне,— сказал директор,— мы перестаем быть индивидуальной группой любителей - путешественников, а включаемся во Всесоюзную экспедицию школьников по изучению природных богатств нашего Отечества, и руководить нами будут Центральная станция и ее областной филиал.— С этого дня юные туристы стали еще более деятельно готовиться к предстоящему очередному летнему походу, пополняя свои знания в секциях кружка.

Учитель Иван Данилович Тищенко читал доклады о минералах, о способах распознавания полезных ископаемых. Анна Петровна

Денисова, учительница географии, рассказывала ребятам, как применять компас, карту, как ориентироваться на местности и даже как пользоваться мензулой (Мензула - инструмент для производства

топографических съемок) для топографических съемок. Учительница биологии Татьяна Григорьевна Логинова обучала членов биологической секции пользованию определителем растений и составлению гербариев и зоологических коллекций.

Ранним утром 22 июня 1941 года хорошо оснащенные участники экспедиции вышли из родного поселка и углубились в лес... На первом же привале геологи взяли со дна ручья пробу грунта. Когда на дне миски— этого не сложного «прибора»— среди маленькой щепотки тяжелой породы, оставшейся после промывания, ярко блеснули две-три песчинки, Петя Иванов— тихий, застенчивый паренек— прошептал:

— Золото, ребята, золото!

— Сам ты золото! Золото желтое, а это блестит, как серебро,— перебил его Юля Афанасьев.

— Ребята, а может, платина? А?! Вот бы хорошо нам тут какое-нибудь месторождение открыть.

— Да!— с жаром подхватил Петя.— Вот открыли бы мы тут крупное месторождение золота или платины и выстроили бы потом здесь большой город....

— И назвали бы его в честь тебя «Иванов-град»,— в тон ему насмешливо добавила бойкая хохотушка Халида Нигматуллина.

— А ты не смейся!— оборвала ее Ася Логинова.— Петька правду говорит. Ведь только представить себе, ребята: здесь, в этом лесу, строится новый город. Ну, вроде Комсомольска или Игарки, а среди строителей— мы. Даже дух захватывает! Здорово!

А Владислав Антонович смотрел на ребят, вслушивался в их мечты о золоте, платине, о новом большом городе, и невольно вспомнился ему один давний эпизод из его жизни. В молодости, во время одного из своих многочисленных скитаний по дальневосточной Уссурийской тайге, Владислав Козловский присоединился к артели старателей. Кругом на сотни верст в дремучей тайге не было и признака человеческого жилья, не было и людей. Только по соседству, на Медвежьей поляне, мыли золото братья Митрофановы, Иван и Григорий,— угрюмые, заросшие бородами нелюдимы, враждебно и с недоверием смотревшие не только на, посторонних, но и друг на друга.

И вот однажды, когда артель уже готовилась кончать работу, над тайгой прокатился и замер вдали дикий, нечеловеческий вопль.

— Неладное дело, ребята,— прислушиваясь, сумрачно сказал старик-артельщик. - На Медвежьей поляне кричат. Видать, у Ваньки с Гришкой беда приключилась. А ну, айда за мной!

Когда старатели добежали до Медвежьей поляны, их глазам представилась страшная картина.

На траве, неестественно раскинув руки, лежал с разmozженным черепом Григорий Митрофанов, а неподалеку на корточках сидел его брат и, держа в дрожащей ладони горсть золотого песка, исступленно твердил одно слово:

— Золото!.. Золото!.. Золото!..

Надолго запомнил Владислав Антонович жадный, звериный блеск мутных, налитых кровью, безумных глаз братоубийцы, его сумасшедший ликующий шепот:

— Золото! Золото!..

И вот сейчас, видя, с каким вниманием смотрят юные путешественники на темную кучку породы и сверкающие крупинки, директор спросил себя: что ж, это— тоже жадность, тут же ответил сам себе: да, это— жадность, но это не жадность стяжателя, искалеченного звериными законами капиталистического общества, где человек человеку— волк, где каждый думает только, о своем личном обогащении и ради этого обогащения не останавливается ни перед чем. Это - жадность исследователя, творца, желающего только одного: своим скромным трудом увеличить и без того несметные богатства Родины. И, с нежностью глядя на ребят, Владислав Антонович с удовлетворением подумал: «В советской стране вырос новый человек, о котором столетиями мечтали лучшие просвещенные умы. Вырос хозяин и строитель жизни, а не раб ее...»

Ася Логинова легла на траву, долго, с наслаждением смотрела в бездонное небо, по которому, не затеняя солнца, лениво ползли легкие облачка.

— Как хорошо здесь, ребята!— счастливо вздохнула она.

Кругом действительно было хорошо. Сплошной стеной окружил маленькую полянку вековой лес. Тихий шелест сосновых веток навевал дремоту, хотелось вот так лежать и лежать, ни о чем не думая... А вокруг шла своя, удивительно интересная жизнь: над поляной, заросшей желтыми, синими, красными цветами, гудели шмели; по другую сторону ручья беспрерывно стучал дятел; вот белка, прыгая с ветки на ветку, скрылась в своем дупле; совсем близко от Аси прополз муравей, деловито таща соломинку; где-то кукушка отрывисто прокуковала свое унылое «ку-ку»...

И могли ли ребята и их воспитатель предполагать, что мирная счастливая жизнь Родины уже кончилась, что вот этим тихим, солнечным утром зловещие, черные самолеты со свастикой на плоскостях сбросили на наши мирные города свой смертоносный груз, и матери Гомеля и Минска,

Киева и Одессы, прижимая к груди окровавленные трупы детей, посылают проклятия фашистским убийцам.

Прошли голы... Победой окончилась Великая Отечественная война. Много времени минуло с тех пор, как Владислав Антонович Козловский организовал первые походы по родному краю со своими воспитанниками. Много воды с тех пор утекло в быстрой реке Юрюзани. Но участники этих походов бережно хранят память о них. Как часто, глядя на светлые языки пламени костра, зажженного где-нибудь в прифронтовом лесу, молодой боец вспоминал другой костер на берегу реки, и спустившиеся сумерки, и мерцание звезд сквозь черные силуэты верхушек деревьев, и тишину, благодатную тишину вокруг! Многие участники школьных путешествий отдали в этой войне свою жизнь, на деле показав, как нужно любить родное Отечество и защищать его, когда придет беда. В первые дни войны, под Брестской крепостью в танковом сражении, погиб Гена Буслаев - участник многих экспедиций, капитан лодки «Вперед» в походе 1939 года.

Смертью героев пали в боях с фашистским варварами Константин Попов, Василий Нырков, Петр Иванов, Владимир Бузин, Незаметдинов Минир. Вспоминается Владиславу Антоновичу, как пришел к нему в школу попрощаться Петя Иванов. Пришел строгий, подтянутый.

— До свиданья, Владислав Антонович,- просто сказал он,— Завтра еду в армию.— И вдруг улыбнувшись своей застенчивой улыбкой, добавил:— Вот победим врага, опять совершим с вами большое путешествие. Верно? А еще есть у меня мечта построить где-нибудь в тайге хороший город, чтобы в нем были все удобства для людей. Живи, работай только! Вернусь с фронта— обязательно поеду учиться на инженера.

Не довелось Пете Иванову ни построить новый город, ни совершить путешествие. Через полгода в жарком бою бросился лейтенант Иванов вперед, увлекаемая свой взвод в атаку, и был убит вражеской пулей...

Сколько теплых писем приходило в дни войны в школу! Это были простенькие треугольнички со штампом полевой почты, но их-то больше всего ценил и берег директор, аккуратно подшивая в большой альбом.

Многим, очень многим пригодились в войне: с фашистской Германией навыки, воля и упорство, которые заботливо воспитывал в них Владислав Антонович во время туристских походов.

Гвардии старшим лейтенантом возвратился в родной город Евгений Чуманов, и не сразу Владислав Антонович узнал в этом крепком, загорелом, увешанном боевыми наградами офицере прежнего паренька Женю Чуманова.

Пятнадцатилетним мальчиком брал в поход Володя Климанов небольшой приемник, а через несколько лет старший сержант Владимир Климанов прошел с походной рацией длинный фронтовой путь от Курской дуги до Берлина, корректируя огонь советской артиллерии. Два боевых ордена и медали украсили его грудь.

В Казанском химико-технологическом институте учится сейчас бывший фронтовик Василий Сафронов, тот самый Сафронов, который был главным зачинщиком «бунта» в лодочном походе 1939 года. Когда на фронте за отличное выполнение боевых заданий командования генерал вручил гвардии старшему сержанту Сафронову перед строем орден Красной Звезды, вспомнились сержанту в этот миг давняя лодочная экскурсия, «бунт» и слова любимого учителя: «Ты хороший человек, но у тебя нет выдержки...»

Можно ли сомневаться, что школьный поход сыграл большую роль в воспитании его воли?! Многие из бывших учеников Юрюзанской школы вступили на фронте в партию. Коммунистом стал в дни войны и Владислав Антонович.

Едва только кончилась война, он снова с жаром отдался любимому занятию. В 1946 году с помощью завкома ордена Трудового Красного

Знамени механического завода Владислав Антонович организовал экскурсию школьников в Ильменский государственный заповедник имени Ленина.

* * *

Сейчас Владислав Антонович работает в городе Энгельсе, на Волге. Он заведует физкультурной школой, преподает в женской школе любимый предмет— физику. Но часто видят Владислава Антоновича и во Дворце пионеров, где он руководит туристским кружком.

Под его руководством пионеры города Энгельса совершают на пароходе и лодках большие путешествия по Волге. И, глядя на широкие, раздольные просторы великой русской реки, вспоминает Владислав Антонович Южный Урал, горную реку Юрюзань, городок, раскинувшийся среди гор, и просторное светлое здание средней школы, которой он отдал пятнадцать лет своей жизни, и в которой зародилось и окрепло любимое дело его жизни— организация путешествий школьников по родному краю.

Марии Ивановне Фатеевой

ПЕРВЫЙ УРОК

(Рассказ)

Каждое утро я слышу, как за стеной моей комнаты приятный девичий голосок напевает веселую песенку. Её поет дочь моих соседей по квартире Маша Егорова, жизнерадостная восемнадцатилетняя девушка, которую все в нашем доме ласково называют Машенькой.

Но сегодня знакомой песенки не слышно, и я вспоминаю: ведь сегодня— первое сентября. Машенька этой весной окончила одиннадцатый класс. Сегодня ей не до песен, сегодня она идёт первый раз в школу, идет не как ученица, а как учительница.

Через раскрытую дверь я вижу тонкий, стройный силуэт девушки, пушистые светлые волосы, сосредоточенный взгляд милых голубых глаз, и я невольно спрашиваю себя:

Полно, неужели это— та самая девчурка со смешными, торчащими врозь косичками, которая совсем недавно устраивала у нас во дворе шумные игры. Неужели это та самая «Машка-задавашка» или «Машка-задира», как ее прозвали все окрестные мальчишки, прозвали явно неудачно и, главное, несправедливо, потому что Машенька никогда никого не задирала, но она терпеть не могла, если при ней обижали маленьких. В такие минуты ее голубые глаза темнели от гнева и возмущения, и, сжав маленькие кулачки, она бесстрашно бросалась в драку с обидчиком. Все малыши нашего дома любили Машеньку и толпой ходили за ней, и сама Машенька очень любила возиться с ними и развлекать их забавными играми.

Сейчас Машенька стоит перед зеркалом и уже в который раз репетирует свое сегодняшнее появление в школе. Вот она войдет в класс, улыбнется и скажет: «Здравствуйте, дети. Я— ваша учительница. А зовут меня Мария...»

Машенька досадливо морщится: ну вот, опять к «Марии» забыла добавить «Александровну».

Машенька звонко и весело хохочет, и вдруг лицо ее делается необычайно серьезным. Чего это, в самом деле, она так развеселилась?! Сегодня такой ответственный день. Первый урок в ее жизни!

Правда, Машенька уже давала уроки. Это было, когда она заканчивала одиннадцатый класс. Но ведь это совсем, совсем другое! Тогда на уроках, обычно присутствовал кто-нибудь из старых педагогов, внимательно вслушивался в то, что говорила она, что-то записывал, и Машенька чувствовала себя только ученицей. А сегодня она в первый раз придет в класс как настоящая учительница. И класс-то ее первый. Ее малыши сегодня в первый раз придут в школу, и нужно сделать так, чтобы первый урок в их жизни запомнился им надолго, может даже на всю жизнь. Нужно рассказать новичкам что-нибудь интересное, особенное и такое, что видела, что пережила сама. Но что рассказать?

Этот вопрос Машенькой был решен давно, недели две тому назад, как только она получила назначение в школу. Готовясь к занятиям, Машенька особенно обратила внимание на подготовку к первому уроку. Она долго думала, о чем будет рассказывать ребятам, как построит она этот урок. Ей всего восемнадцать лет, ничего особенного с ней в жизни не случилось, почти никуда из родного города она не выезжала, только и съездила в прошлом году с подругами в Москву...

Москва! И Машенька решила тогда рассказать своим малышам об этом чудесном городе, где живет и работает наш любимый вождь. Это будет интересный рассказ!

И Машенька каждый день обдумывала свой первый урок.

— Ты готова, Машенька?— низким грудным голосом спрашивает Глафира Петровна, мать Машеньки. Глафира Петровна— учительница, и весь наш дом знает, что Машенька будет работать в той же школе, в которой вот уже тридцать лет работает ее мать.

- Готова, мамочка!— отвечает Машенька, подбегая к матери и целуя ее в щеку.

- Ну, тогда идем. Пора!

Мать и дочь обе в одинаковых синих платьях, обе удивительно похожие друг на друга,

идут в школу, и я не могу удержаться, чтобы не крикнуть им вслед:

- Счастливого пути!

* * *

Напрасно Машенька так старательно репетировала сегодня все утро: говорить заученную фразу ей не пришлось, потому что вместе с ней в класс вошла директор школы Елена Владимировна и, поздоровавшись, просто сказала:

- Вот ваша учительница, дети. Зовут ее Мария Александровна Егорова. Она будет вас учить, а вы любите ее и всегда во всем слушаетесь.

Елена Владимировна повернулась к Машеньке и дружески пожала ее руку.

Оставшись одна, Машенька оглядела класс. Прямо перед ней сидели маленькая девочка с большим красным бантом в волосах и мальчик с пухлыми румяными щеками; чуть подальше Машенька увидела озорного вида девчурку с такими же косичками, какие она сама носила в детстве; еще дальше взгляд ее заметил мальчугана, серьезно смотревшего на нее черными глазами. Десятки серых, голубых, черных, карих глаз глядели отовсюду на Машеньку, и в них она прочла ожидание, любопытство и откровенный вопрос: «Какая она, наша учительница, добрая или строгая, веселая или скучная?»

— Дети,— начала она, глубоко вздохнув и заметно волнуясь.— Вот сегодня вы в первый раз пришли в школу. Многие из вас знают буквы, а кое-кто умеет даже немного читать. Но до тех пор, пока вы вырастаете и станете такими же большими, как ваши папы и мамы, вы должны очень многое узнать, чтобы стать такими же, как они. И я, ваша учительница, научу многому. Я расскажу вам о разных народах и странах, я научу вас хорошо читать, писать и считать. Когда вы окончите школу, то поедете учиться в другие города, а может быть, и в самый, самый красивый, самый лучший город в мире. А ну, догадайтесь, в какой!

— В Москву,— дружно выдохнули три десятка малышей.

—Правильно!— улыбнулась Машенька. - В Москву!— Она рассказала о древней Красной площади, о мавзолее Ленина, о Кремле, в котором живет и работает вождь и учитель миллионов трудящихся во всем мире Иосиф Виссарионович Сталин. Она рассказала о широких, покрытых асфальтом шумных улицах; о подземных дворцах, залитых ярким электрическим светом; о лестницах, которые движутся сами, и о домах, которые вырастают, как в сказке.

— А я была в мавзолее...— тихо сказала девочка с красным бантом и тут же сконфуженно умолкла.

— Ну, расскажи нам об этом!..— попросила Машенька.

Девочка немного помолчала. Потом, тряхнув

Красным бантом, неуверенно начала:

- Летом я с папой ездила в Москву, и мы ходили на Красную площадь. Там было много народу, и все тихонько шли к мавзолею. И мы папой тоже встали в очередь, только мы не долго стояли, потому что все всё время тихонько двигались. Скоро и мы спустились вниз и там я увидели дедушку

Ленина. Он совсем, совсем как живой, только очень бледный. Все люди шли тихо-тихо. Папа говорил мне, что они дают клятву.

— Какую клятву?— с интересом спросила Машенька.

— Ну, чтобы еще лучше работать и учиться. Я тоже дала клятву,— добавила она, краснея.

— Какую же ты дала клятву?

— А я сказала: дедушка Ленин, я еще очень маленькая, но я осенью пойду в школу и обещаю тебе учиться только на «пятерки». Только я про себя сказала, чтобы никто не слышал...

— А мой папа видел Сталина,— сказал мальчик с черными, не по возрасту серьезными глазами.

— Когда это было?— спросила Машенька.

— Это было, когда еще шла война, в сорок первом году. Тогда фашисты были совсем близко от Москвы. Но папа говорил мне, что они все равно не смогли бы войти в Москву, потому что там был Сталин. Когда пришел праздник Октября, на Красной площади все-

равно был парад, даром, что фашисты хотели разбомбить Москву. Мой папа был на параде и слышал, как Сталин говорил речь. А потом они пошли на фронт и стали громить фашистов. И папе дали орден и еще медаль «За оборону Москвы».

— А мой дядя—Герой Советского Союза, - хвастливо произнес мальчик с пухлыми румяными щеками.

Машенька слушала звонкие детские голоса, и ей казалось, что она давным-давно знает и любит этих малышей.

Вечером в уютной, чисто прибранной квартире Егоровых состоялось маленькое торжество по случаю машенькиного «боевого крещения» как выразился ее отец, старый слесарь Александр Иванович.

На праздничном, накрытом белой скатертью столе, прежде всего, бросался в глаза огромный букет цветов самых разнообразных красок и оттенков. Он составил из тех маленьких букетиков, которые принесли Машеньке сегодня в класс её девочки-ученицы.

За столом сидели Глафира Петровна и Александр Иванович, старший брат Машеньки Дмитрий Александрович, инженер-конструктор механического завода, со своей женой, две девушки Нина и Лиза. Нина, смуглая, черноволосая девушка, вместе с Машенькой кончила одиннадцатый класс и так же, как Машенька, приняла сегодня «боевое крещение», только в другой школе. Последним с краю стола сидел Коля, тихий, застенчивый юноша, школьный товарищ Машеньки, все время не сводивший с нее восторженных глаз, полагая, что этого никто не замечает. Глафира Петровна хозяйничала у самовара. Всякий раз, когда она поворачивалась, чтобы передать гостю чашку чаю, на ее тёмно-синем шерстяном платье ярким блеском вспыхивал орден.

— Ой,- девочки!— оживленно рассказывала подругам Нина.— Я так боялась, так боялась! Ведь первый день. Но все прошло хорошо. А какие у меня детишки замечательные, если бы вы только знали! Нет, это такой день, такой замечательный день!

— Глафира Петровна,— спросила Лиза, полная румяная девушка.— А вы помните ваш первый день в школе? Наверное, до сих пор не можете забыть?

— Да, действительно, до сих пор не могу забыть, но не первый, а второй день.

— Вы все шутите, Глафира Петровна! Как же так, «второй»?— рассмеялась Лиза и сразу умолкла, увидев, как помрачнело лицо Глафиры Петровны.

— Я не шучу, девочка. И ты напрасно думаешь, что мое первое впечатление от школы было такое же светлое и радостное, как твое,— грустно сказала Глафира Петровна, и снова тень неприятных воспоминаний пробежала по ее лицу.

— Глафира Петровна, расскажите,— попросил Коля.

- Расскажите, пожалуйста - поддержали его девушки.

- Ну, что Ж...— задумчиво проговорила Глафира Петровна.— Расскажу... Давно это было, в 1913 году, здесь же, в нашем городе... Я тогда только что кончила гимназию и очень хотела учительствовать, но свободных мест не было... Долго пробивалась я частными уроками в богатых домах, пока мне сказали, наконец, что возьмут меня учительствовать во второе отделение церковноприходской школы на освободившееся место. Когда я пришла первый раз в школу, помещавшуюся в древнем, развалившемся здании, я узнала, почему место учительницы во втором отделении стало вакантным. Оказывается, предшественница моя была на подозрении у полиции и накануне ее арестовали, как «неблагонадежную». Весь первый день я знакомилась с ребятами, расспрашивала их, что они успели пройти с прежней учительницей, беседовала об их домашних делах. А на второй день случилась беда... На третьем уроке в мой класс вбежал запыхавшийся инспектор и трагическим шепотом выдохнул:

— Фрол Лукич пришли-с. Сейчас к вам зайдут. Проверять будут-с. Чтобы все было в порядке!

Фролом Лукичом звали купца первой гильдии Брюханова, владельца трех каменных двухэтажных домов, двух больших магазинов и паровой мельницы.

Страшные рассказы о жестокости, тупости и невежестве этого человека ходили в городе. Он вогнал в гроб двух жен, пустил по миру своих родных братьев, но под старость прикинулся этаким святошей и стал жертвовать на благотворительные нужды. Пожертвовал он и на школу тысячу рублей и угодливое школьное начальство произвело этого самодура в почетные попечители. Брюханов вошел в мой класс в сопровождении многочисленной свиты.

- А энти который год учатся?— спросил он, ткнув пальцем в сторону детей и даже не поздоровавшись.

— Второй год, Фрол Лукич, второй год-с,— залепетал инспектор, вытягивая и без того длинную шею.— Но эта учительница (он указал на меня) у них всего второй день. Прежнюю-то, извольте-с видеть, взяла недавно полиция.

— Полиция?— усмехнулся Брюханов, грузно опускаясь в угодливо подставленное кресло.— А вот мы проверим сейчас, чему научила их эта крамольница!

— Ты! Иди сюда!— он поманил пальцем белоголового Петю Ануфриева:— А ну, скажи мне про воскрешение сына вдовы Наинской? Не знаешь?! А про усекновение главы Иоанна Предтечи?! И этого не знаешь, олух?!— Петя молчал и испуганно глядел на купца. Я вступилась за него, объяснив, что всего этого дети еще не проходили с законоучителем.

— А ты молчи!— сделав ударение на «ты», оборвал меня Брюханов.— Тебя не спрашивают! Когда спрошу, тогда и отвечать будешь!

— Что у их за урок?— спросил он инспектора.

— Арифметика!..

— Ага, рефметика! Проверим, чего они в рефметике достигли. Вот хотя бы ты,— и он указал на худенького, с бледным болезненным личиком

Ваню Потанина.— Иди сюда!— Ваня вышел вперед. Купец с минуту разглядывал мальчика маленькими, заплывшими глазками и, наконец, спросил:

— Ты чей?

— Потанин,— прошептал Ваня. 1

— Отца-то Федором, что ли звали

— Федором.

— То-то, я вижу, рожа больно знакомая.

Я узнала печальную историю семьи мальчика. Отец Вани работал на паровой мельнице Брюханова и снимал маленькую каморку в подвале одного из брюхановских домов. Однажды его придавило на мельнице какими-то ящиками, и он долго и мучительно хворал. Через три месяца после несчастного случая купец выгнал семью Потаниных на улицу, потому что им нечем было платить за квартиру, а еще через месяц отец Вани умер, оставив пятерых детей и больную туберкулезом жену.

Чем жил мальчик— неизвестно, но учебы он не бросал и, несмотря ни на что, по-прежнему шел первым учеником.

Брюханов, сощурившись, сказал:

— Реши задачу!.. В моем доме платят за квартиру три с полтиной в месяц. Твой отец заплатил только за восемь месяцев, а жили вы у меня год. Прикинь-ка, сколько рубликов вы, голодранцы, остались мне должны?

Ваня побледнел, потом стал какой-то весь прозрачный, губы его судорожно задергались, и он зарыдал.

Я бросилась вперед, прижала к себе острые, худенькие плечи мальчика и закричала в лицо купцу, что не позволю издеваться над детьми. Помню

налитые злобой, маленькие, заплывшие жиром глазки купца, точно буравчики сверлившие меня, испуганное лицо инспектора за его спиной...

Глафира Петровна замолчала и, тяжело вздохнув, провела рукой по глазам, как бы отгоняя невеселые воспоминания.

В комнате стояла тягостная тишина.

— А дальше, Глафира Петровна? Что дальше?..— спросил, наконец, Коля.

— Дальше?.. Что ж дальше!.. Тяжелый разговор с инспектором... угрозы... оскорбления. Лучше не вспоминать.— Глафира Петровна помолчала и задумчиво сказала:— Что было бы с Вале́й Потаниным, что было бы с тысячами других, таких же, как он, если бы не Октябрьская революция, если бы не советская власть, открывшая им широкую дорогу? Страшно подумать!— Глафира Петровна улыбнулась материнской улыбкой и закончила:— А Ваня Потанин теперь профессор. Он живет в Москве и часто мне пишет.

— Ну, расстроила я вас, молодежь!— улыбнулась Глафира Петровна.— Давайте-ка лучше танцевать. Митя, заведи патефон.

Поздно ночью расходились гости из квартиры Егоровых. Последним уходил Коля, и Машенька вышла его проводить. Из окна моей комнаты я видел, как они долго стояли у подъезда, взявшись за руки. Над городом спустилась по-летнему теплая ночь ранней осени. Полная, круглая луна ярко освещала наш двор, белые дома заводского поселка, а вдали, над заводом, блестящими точками сверкали тысячи огней.

— Машенька...— услышал я тихий взволнованный голос Коли.— Ты такая... такая... - Он замолчал, очевидно, подыскивая нужное слово.

— Какая я?— спросила Машенька, и по звуку ее голоса я понял, что она улыбается.

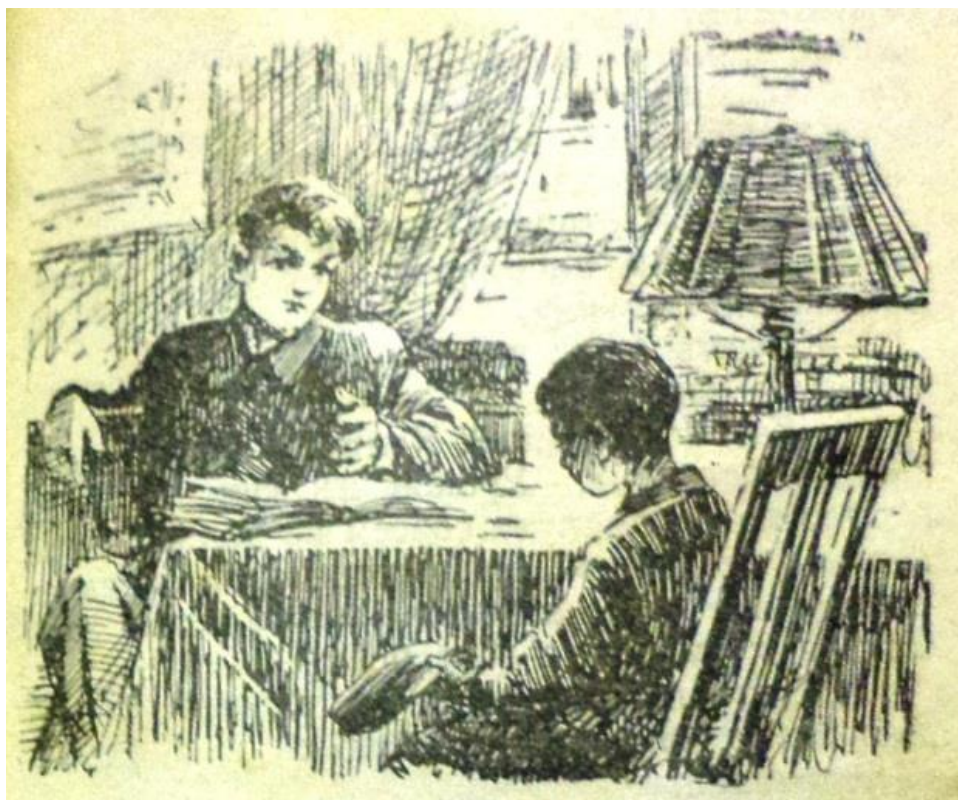
— Ты такая хорошая, такая необыкновенная...

— Что ты. Коля! Какая же я «необыкновенная»? Я самая простая девушка, каких сотня тысяч...

— Пусть миллионы!— горячо зашептал Коля.— Но ты для меня одна на свете. И я давно хочу тебе сказать, что я очень...

Невесть откуда взявшийся ветер отнес в сторону конец фразы, и я услышал только тихий счастливый смех Машеньки. Хорошее, радостное чувство овладело мной.

Мне было радостно сознавать, что кругом меня живут такие прекрасные люди, как Машенька, Коля, Нина, Глафира Петровна и тысячи других, таких же простых советских людей; что сегодняшней мой день прошел в напряженной, увлекательной работе; что такая же кипучая работа ждет меня и завтра, и после завтра, а впереди еще долгая интересная жизнь.

МАЛЬЧИК С ХАРАКТЕРОМ

(Рассказ)

Учительница биологии Лидия Марковна Рудаченко, молоденькая девушка, весной окончившая институт, вбежала в учительскую расстроенная, с заплаканными глазами.

— Вот полюбуйтесь!.. Полюбуйтесь, чем занимаются в шестом «Б»!— задыхаясь и глотая слезы, выговаривала она, протянув Глафире Петровне искусно сделанного бумажного чёртика.— В вашем классе, Глафира Петровна!

Учительница биологии была маленькой, хрупкой блондинкой, похожей на большую девочку. Это впечатление особенно усиливали по-детски пухлые щечки хорошенького личика с маленьким, слегка вздернутым носом и большими карими глазами, которые всегда смотрели вопросительно, точно

Лидия Марковна время собиралась спросить о чем-то очень важном и не решалась.

Глафира Петровна взглянула в большие глаза девушки, наполненные слезами, и взяла бумажную фигурку.

— Опять Свистунов?— устало, с досадой спросила она.

— Кто же больше?! Конечно, ваш знаменитый Свистунов!.. Уроков не учит...— Лидия Марковна всхлипнула совсем по-детски.— Уроков не учит и еще... еще оскорбляет... передразнивает! Не пойду я больше в ваш класс заниматься, хоть убейте— не пойду!

Все, кто находился в учительской, столпились возле учительницы биологии и принялись ее успокаивать.

— Выпейте воды, Лидия Марковна,— протянул ей стакан с водой заведующий учебной частью школы Степан Григорьевич Одинцов, мужчина с седеющими висками, маленькими, тоже седоватыми усиками и в круглых роговых очках, сквозь которые виднелись усталые, с покрасневшими веками, внимательные глаза.— Успокойтесь и расскажите, что же все-таки произошло в шестом «Б»?

Учительствуя всего первый год, Лидия Марковна, очень мягкая и застенчивая по натуре, никак не могла заставить себя быть строгой с детьми даже тогда, когда такая строгость была просто необходима. Еще не привыкнув держать себя в классе, девушка во время уроков часто и беспричинно краснела и смущалась. Вдобавок ко всему Лидия Марковна, как, впрочем, и все люди, была не лишена некоторых недостатков, самым ужасным из них она считала дурную привычку часто, без надобности употреблять слово «значит». Зная за собой такую слабость, Лидия Марковна все время старалась мысленно следить за своей речью, и это ей удавалось. Речь ее была вполне грамотной и свободной от так называемых слов-

паразитов. Но стоило только ей расстроиться, разволноваться, как проклятое «значит» так и сыпалось с ее языка.

В этот день, объяснив на уроке ботаники в шестом «Б» новый материал, Лидия Марковна вызвала к доске ученика Свистунова. Урока Свистунов не знал. Впрочем, это давно перестало быть новостью для класса. Лидия Марковна, вздохнув, расстроенно сказала:

— Ну, что же это, Свистунов? Значит, опять не приготовил урока. Опять, значит, пробежал на улице? Я вынуждена поставить тебе двойку.

В то время, когда учительница наклонилась над столом, листая классный журнал, Свистунов быстро прикрепил к таблице с образцами растений бумажного чёртика и раскачал его, как маятник. Бумажная фигурка задергала руками и ногами.

Засунув руки в карманы, Свистунов прошагал к парте с таким победоносным видом, словно он только что получил самую высшую оценку, дерзко и вызывающе бросив на ходу:

— Ставьте, значит! Можете, значит, и «единицу» поставить! Не заплачу!

В первое мгновение Лидия Марковна растерялась. Ошеломленно замигав глазами, она взглянула на класс, как бы спрашивая: «Что же это такое?»

И в это время в коридоре прозвенел звонок. Схватив дрожащей рукой классный журнал Лидия Марковна повернулась к доске, взять таблицу, и тут увидела чёртика. Покачиваясь взад и вперед, он дергал руками и ногами, точно подразнивая ее. Это было уж слишком!

Скомкав бумажную фигурку, Лидия Марковна выбежала из класса... Когда Лидия Марковна кончила рассказ, в учительской громко и возмущенно заговорили все сразу.

— Безобразие!— громче всех возмущался учитель географии Стебницкий, худощавый человек с желтым, лихорадочным лицом.— Чего мы только не делали с этим Свистуновым и— никакого толку! Занимаемся всего месяц, а его уже к директору несколько раз вызывали, и мать вызывали в школу два раза...

— Как странно, что в одной семье могут быть такие разные дети,— задумчиво тронув пенсне, проговорила учительница истории Надежда Федоровна.— В пятом «А» учится сестра этого Свистунова, Леночка,— такая умная, послушная девочка... отличница. А ее родной братец— хулиган и лентяй! Просто не верится.

— Нянчимся мы с ним много. Вот что! - угрюмо пробасил учитель черчения Феофанов полный, грузный мужчина в гимнастерке.— Да, нянчимся и возимся!

— А что же вы предлагаете, Мефодиевич?— спросил завуч.

Выгнать давно пора этого разгильдяя— вот что! Исключить— и весь разговор!

- Как вы легко произносите это слово, Аполлинарий Мефодиевич!— неодобрительно взглянув на учителя черчения, сказала Глафира Петровна.— Исключить Свистунова из школы, конечно, не трудно, да разве этого от нас, педагогов, требуют партия и правительство.

Нам высокое доверие оказали— строителей коммунизма воспитывать. Ведь мы же на практике закон о всеобуче осуществляем, у нас каждый ребенок должен быть на счету. А вы— «исключить»!

— Ну, и возитесь на здоровье с этим «ребенком»,— неохотно отозвался учитель черчения и тут же насмешливо добавил:— Насколько мне известно, Глафира Петровна, вы к этому ребенку все педагогические приемы и методы

применяли. Весь, так сказать, арсенал педагогической теории и практики. И что же? Дали ваши усилия хоть какой-нибудь результат?

— Пока нет, как видите, но я надежды не теряю.

— Глафира Петровна,—заговорил завуч.—

Я человек в вашей школе новый, работаю всего месяц, а вы учительствуете здесь давно. Скажите, неужели ничего нельзя сделать с этим мальчиком? Ведь были же подобные случаи в вашей практике?

— Видите ли, Степан Григорьевич, я твердо убеждена, что невоспитуемых детей нет, как нет и безвыходных положений. Все дело в том, чтобы суметь подобрать ключик к душе такого ученика. А подобные случаи в моей практике были, конечно, да и у кого из нас, учителей их не было? За примером далеко ходить не нужно. Вы о Васе Грабине слышали?

- Это, случайно, не Василий Иванович Грабин, знаменитый токарь с механического?

— Он самый!

— Помилуйте, как не слышал, когда о нем

весь город, весь район говорит! Но что вы хотите сказать?

— А то, что Василий Грабин— мой ученик,— с гордостью сказала Глафира Петровна.— И представьте, он в детстве был таким же озорником и лентяем, как Сережа Свистунов. Таким же... правда, душа у него была хорошая, открытая... А этот Свистунов... не доверяет он учителям. Я, как начну с ним разговаривать, всегда его невольно с ежом сравниваю. Случалось вам, Степан Григорьевич, видеть в лесу ежа?

— Приходилось.

— Знаете, найдешь такого зверька, тронешь его, а он в клубок свернется, иглы ошестинит—не подступись! Так вот и этот мальчик. Как ни пытаюсь я вызвать его не откровенный разговор— все напрасно. Съежится, насупится, глаза смотрят так недоверчиво. Ну, прямо, как еж.

Глафира Петровна откинула со лба седую прядку волос, и ее полное добродушное лицо приняло озабоченное выражение.

— Вот и не удастся мне, Степан Григорьевич, подобрать ключик к сердцу этого мальчика.

— М-да,— неопределенно промычал завуч,— Мальчик с характером. Не хотелось бы, но, видимо, придется еще раз вызвать его мать.

- Нет, я думаю, не нужно этого делать, Степан Григорьевич.

- Я сама схожу сегодня к Свистуновым. Кстати, и новую квартиру посмотрю. Они недавно в новый дом переехали...

II

Вечером того же дня Глафира Петровна отыскивала по улице Красных партизан дом № 125, в котором жили теперь Свистуновы.

Она неторопливо шагала по узенькой асфальтовой дорожке тротуара, с интересом и любопытством осматриваясь по сторонам.

Немногим больше года не была она в этой части города, и вот теперь ее уже не узнать.

На месте заваленного разным хламом громадного пустыря, на котором еще недавно бродили козы и городские мальчишки играли в футбол, вырос целый квартал красивых трехэтажных домов и дальше вдоль улицы, насколько хватал глаз, тянулись в гору уютные беленькие домики-коттеджи рабочих механического завода. Рядки молоденьких лип, очевидно, недавно

высаженных, выстроились вдоль тротуара. Все кругом дышало такой новизной, что старая учительница почувствовала себя помолодевшей.

Высокий широкоплечий юноша в спортивном костюме поравнялся с ней и, пристально заглянув в ее лицо, радостно воскликнул:

— Глафира Петровна? Здравствуйте, Глафира Петровна! Какими судьбами в наш уголок?

— Здравствуй, Вася,— узнав в этом плечистом юноше своего бывшего ученика Василия Грабина, улыбнулась учительница. — Здравствуй! Ищу я, голубчик, дом № 125.

— Сто двадцать пять?!— обрадовался юноша.— Так это же наш дом. Вам в какую квартиру?

— Второй подъезд, квартира тридцать семь.

— А, это, значит, в соседнем подъезде. Идемте со мной, я покажу.

Они помолчали.

— Давно я не видел вас, Глафира Петровна,— заговорил ее спутник.— А вы хорошо выглядите, только вот седых волос прибавилось!

— Так ведь я уже старуха, Васенька. Пришла пора и седым волосам. Не вечно же быть молодой! Шестой десяток идет.

Юноша почему-то вдруг смутился, словно он нечаянно, сам того не желая, вдруг чем-то обидел учительницу, чтобы переменить разговор, он спросил:

— Вы, конечно, на дом к какому-нибудь сорванцу, каким и я был в свое время? У нас там полон двор ребятишек.

— Угадал,— усмехнулась учительница.

— Глафира Петровна?— помолчав, тихо спросил юноша.— А вы помните, как я однажды у вас на уроке свистнул?

— Помню, конечно,— улыбнулась Глафира Петровна.

- Я часто вспоминаю теперь школьные годы и думаю, какой я был тогда. Если бы не вы...

— Полно, полно,— остановила его учительница.— Кто старое помянет, тому— глаз вон!

Ты расскажи лучше, как живешь, как работаешь?

- Живу хорошо, даже очень хорошо. Вот на днях с мамашей новоселье справляли. Что ж ещё. Да, хожу в вечернюю школу. Думаю десятый класс в этом году кончить. Работа тоже неплохо. С начала года пятнадцать годовых норм выработал.

Вот ты, какой молодец!— с неподдельным восхищением воскликнула учительница.

— Так ведь я не один, Глафира Петровна,— заторопился юноша.— У нас вся бригада так работает. Ребята дружные, славные.

И инженеры нам во многом помогают советами.

Глафира Петровна, с удовольствием и почти материнской нежностью взглядывала на крепко и ладно скроенное мускулистое, как у атлета, тело юноши, любовалась его красивым, загорелым лицом с упрямым подбородком и высоким чистым лбом, на который спадали курчавые русые волосы; следила за неторопливыми, уверенными движениями рук, в которых угадывалась большая сила, и ей было понятно, почему встречные девушки смотрят на ее спутника таким долгим взглядом, а, поравнявшись, застенчиво опускают ресницы.

— Вот и наш дом,— сказал юноша, жестом указывая на белое трехэтажное здание с балконами и большими светлыми окнами.— Очень прошу вас, Глафира Петровна, сделаете свое дело,— заходите к нам. Мама будет очень рада.

Зайдете, а?

— Постараюсь, Вася, постараюсь...

Ну, смотрите же... я не прощаюсь,— юноша помахал рукой и скрылся в первом подъезде.

Глафира Петровна поднялась на этаж и, прислонившись к стене лестничной площадки, схватилась рукой за грудь. Сердце бешено и неистово колотилось и, казалось, готово было выпрыгнуть наружу. «Эх, старость – не радость»,— подумала учительница, но детские голоса отвлекли ее от этих мыслей.

Дверь в тридцать седьмую квартиру была открыта, и голоса доносились оттуда. Глафира Петровна вышла в полутемный коридор и через верх стеклянной двери, ведущей в комнату и тоже полураскрытой, увидела занимательную картину. Стулья и табуретки в комнате были сдвинуты в одно место и, очевидно, изображали собою школьные парты. За двумя такими стульями и партами примостились на полу две крохотные девочки в одинаковых пестрых сарафанчиках и до того неотличимо похожие друг на друга, что становилось ясно с первого взгляда, что это близнецы; на третьем стуле, неестественно вытаращив голубые глаза, сидела большая кукла с облупленным носом, а перед всей этой почтенной аудиторией ходила взад и вперед сестра Сергея Свистунова Леночка, маленькая девочка с льняными косичками, и, подражая интонациям самой Глафиры Петровны, строго говорила:

— Дети, вы должны учиться хорошо. Это— ваша святая обязанность.

Крайняя девочка подняла руку и, поднявшись с пола, спросила:

— Глафира Петровна, а что такое «святая»?

— «Святая»?— Леночка наморщила лобик и задумалась.— Ну, это такое слово, его еще попы выдумали

- Глафира Петровна,— выглянула из-за стула вторая крохотная девочка-близнец.— А... кто такие «попы»?

- Катенька, когда задаешь вопрос учительнице нужно, во-первых, поднять руку и, во вторых, встать,— строго сказала Леночка.

- Я... я забыла.

Настоящая Глафира Петровна стояла в коридоре, закусив губу и с трудом удерживая смех.

— К вам можно?— спросила она, раскрывая дверь пошире.

Близнецы вскочили и во все глаза уставились на вошедшую, а лицо Леночки залилось ярким румянцем.

— Проходите, Глафира Петровна,— опомнилась, наконец, она и пододвинула стул.— Садитесь, пожалуйста. Мама ушла за хлебом.- Она сейчас придет.

— А где Сережа?

— Сережа в кино.

— Значит, вы одни дома хозяйничаете? Молодцы! Что же вы сейчас делали?

Близнецы хором, как по команде сказали:

— Мы играли.

— Как же вы играли?

— В школу.

— Кто же у вас был учительницей Глафирой Петровной? А?..— улыбаясь, спросила Глафира Петровна.

Леночка густо покраснела и сделала близнецам какой-то знак, но те, ничего не поняв, указали на нее пальцами и опять, как по команде, хором воскликнули:

— Она!

— Милая моя девочка, я же все слышала, засмеялась Глафира Петровна, обнимая Леночку за плечи и притягивая к себе.

В это время в дверях показалась сама хозяйка, Матрена Ильинична Свистунова. Увидев учительницу, она опустила на пол сумку с продуктами и упавшим голосом сказала:

— Глафира Петровна... здравствуйте. Опять мой сорванец чего-нибудь натворил?..— Выслушав рассказ учительницы об утреннем происшествии, Матрена Ильинична грозно сдвинула брови и застучала по столу:— Ну, погоди ты, мерзавец! Я т-тебе покажу! Лопнуло мое терпение! Пусть придет только— попробует ремня!

— Что вы! Что вы!— Глафира Петровна даже привстала со стула.— Бить детей ни в коем случае нельзя! Эх, Матрена Ильинична, как же вы это так?! Ведь вы таким путем его только озlobите против себя.

— Глафира Петровна, голубушка!— плачущим голосом выкрикнула женщина.— Что же делать, коли он русских слов не понимает?! И в кого он только уродился. Остальные-то ведь дети, дочурки мои, воды не замутят сроду!

— Успокойтесь, Матрена Ильинична, успокойтесь.

— Всем я довольна,— продолжала причитать женщина.— Всем довольна. После того как Тимоша, муж мой, на фронте погиб, завод какую мне помощь оказал! Вот недавно квартиру дали в новом доме. Всем я довольна, если бы не Сережа наказание мое! Вы думаете, он в школе только такой? А дома? Ведь это— чистый бес! Каждый день жди от него чего-нибудь. Вчера во второй квартире стекло выбил, а сегодня с дружкой своим Витькой чего удумали? Ниже нас инженер живет, мамаша ихняя, старушка, очень кошек любит. Так они изловили любимого старушкиного кота, привязали к моему зонтику и спустили со второго этажа. «Это, говорят, у нас парашют»! Тьфу!— женщина энергично плюнула.

— Скажите, Матрена Ильинична,— спросила Глафира Петровна,— вы не знаете, что любит ваш Сережа, о чем мечтает, например?

— О чем мечтает? А кто ж его знает, о чем он мечтает, постреленок? Скрытный он у меня, а в голову-то к нему не залезешь.

Матрена Ильинична устало махнула рукой.

— А книги читать он любит?

— Книги? Любит да не всякие, а чтобы про войну были, особенно, про летчиков. Как-то племянник мой приезжал из армий в отпуск и подарил он Сереже книгу, «Повесть о настоящем человеке» называется. Зачитался мой Сережа до полуночи так, что пришлось силой книгу отобрать и спать уложить.

— Выходит, он летчиком мечтает стать?

— Кто его знает?— опять повторила женщина.— Думается мне, что на завод он не прочь бы поступить, только лет ему мало. Как-то слышала я, как он с дружками своими разговаривал. «Мне, говорит, все эти учености ни к чему, Я говорит, на завод пойду, токарем стану, как Василий Иванович Грабин». Это—стахановец, знаменитый на нашем заводе, сейчас с матерью

здесь же, в нашем доме живут. Слыхали, может?

— Я его очень хорошо знаю. Что ж, Серёжа очень уважает Василия Ивановича?

— Любит он его, просто души в нем не чаёт,— оживилась Матрена Ильинична.- Виду-то он не подает, конечно. Скрытный он очень от меня-то не скроешь! В прошлое воскресенье Сережа с Леночкой во Дворец культуры ходили, на детский спектакль. Леночка-то мне и рассказывала: как, значит, встал Сережа у Доски почета, где лучшие стахановцы засняты, так целый час с портрета Василия глаз и не сводил, даже на представление опоздал.

— Вот как!— воскликнула Глафира Петровна, с большим интересом выслушивая все эти подробности и чутьем опытного педагога угадывая, что теперь в ее руках есть что-то вроде ключа к душе мальчика.

— Вот как!— повторила она еще раз и торопливо стала прощаться к великому огорчению Матрены Ильиничны, захлопотавшей было возле электрического чайника. Наказав еще раз ни в коем случае не прибегать к «помощи» ремня, Глафира Петровна спустилась во двор и через две минуты уже стучалась в дверь квартиры Грабиных. Дверь открыла маленькая сухонькая старушка, мать Василия. Увидев Глафиру Петровну, она всплеснула руками и радостно захлопотала и засуетилась:

— А мы уже ждем вас, Глафира Петровна! Васенька мне рассказал, что вас видел. Снимайте пальто. Проходите в комнаты. Васенька, подвинь стульчик Глафире Петровне.

— Я знал, что вы обещанье свое выполните, - широко улыбнулся Василий. Он был теперь в превосходно сшитом синем костюме, облежавшем его плотную фигуру, но не стеснявшем неторопливых, уверенных движений.

Глафира Петровна оглядела комнату. Все здесь говорило о достатке хозяев. На круглом столике в углу стоял новенький приемник, рядом с ним—

патефон; развешанные по стенам большие репродукции с картин лучших художников свидетельствовали о том, что хозяин квартиры— знаток и ценитель живописи, а отделанный перламутром аккордеон говорил, что ему не чужда и музыка...

Глафира Петровна посмотрела на уставленный угощениями стол, к которым еще никто не прикасался, и поняла, что ее действительно здесь ждали.

— А я ведь к вам не просто в гости,— сказала она, принимая от старушки чашку ароматного чая.— У меня к тебе, Вася, есть очень большая просьба...

— Слушаю, Глафира Петровна, заранее говорю, что любую вашу просьбу я исполню с радостью.

— Просьба моя касается одного мальчика, который живет в вашем доме,— Глафира Петровна взглянула юноше в глаза и улыбнулась...

III

Главный виновник этих происшествий, Сережа Свистунов, двенадцати летний мальчик с курносый носом, густо усеянным веснушками, и такими рыжими вихрами, что издали можно было подумать, будто Сережина голова охвачена огнем, сидел вечером воскресного дня за столом, подперев щеку рукой, и уныло смотрел на раскрытый задачник. Всем своим видом и выражением лица он представлял живое воплощение тоски, отчаяния и безнадежности. «Вода поступает в бассейн по двум трубам...», в который уже раз прочитывал он условие задачи и, наконец, с сердцем швырнул ручку. Нет, ничего не выйдет у него с этой проклятой задачей? Не выйдет!.. Вдобавок, как назло, в голову лезли приятные воспоминания о весело проведенном воскресном дне. А воскресенье Сережа провел с толком. До обеда он вместе Ильей и Витькой клеил новую модель самолета, а после обеда на пустыре состоялся футбольный матч с командой ребяташек

соседней Песчаной улицы. В результате этого интересного матча «песчаная» команда была посрамлена и под свист и улюлюканье зрителей бесславно удалилась с пустыря, унося с собой горечь поражения и девять «голов», забитых «всухую» причем этому обстоятельству немало способствовал и сам Сережа, бывший в «краснопартизанской» команде центром нападения.

Только к вечеру герой футбола вспомнил, что он опять не приготовил уроков, и, скрепя сердце, раскрыл задачник.

«Вода поступает в бассейн по двум трубам...» Сережа посмотрел на потолок и тяжело вздохнул. Вот жизнь! Ходи в школу, решай какие-то глупые задачи о воде и бассейнах, которые никому не нужны, кроме разве только тех, кто их выдумал. Эх, надоело все до смерти! Сережа закрыл глаза и размышлял. Вот он уже не Сережка, а Сергей Тимофеевич, знаменитый лётчик и полководец, гроза врагов. Вызывают Сергея Тимофеевича в самый главный штаб, и самый главный начальник с орденом на груди вручает ему пакет и говорит:

- Узнали мы, что враги опять замышляют про нас недоброе дело. Вот вам секретный пакет. Если сунутся— покажите им, почем фунт лиха!— и тогда Сережка, то бишь Сергей Тимофеевич, берет под козырек и отвечает мужественным голосом:— Есть, товарищ, начальник! Приказ будет выполнен в точности. Можете не сомневаться! Уж кто-кто, а Сергей Тимофеевич Свистунов покажет, как надо защищать Родину! Интересно, что бы сказала девочка с красным бантиком, когда узнала бы, что его наградили за подвиги Золотой Звездой?!

Люся (так звали девочку с красным бантом на голове) недавно пришла в их класс, и никто, решительно никто не подозревал, что ее приход растопил лед в Сережкиной груди. Вот и позавчера, когда Сережка, так геройски вел себя на уроке ботаники, он ожидал, что девочке это понравится.

Увы, его ожидания были тщетны! Люся посмотрела на Сережку уничтожающим взглядом и, когда он шел к своей парте, презрительно сжала губы и отвернулась. Сережка представил, как после сражения с врагами его, окровавленного и умирающего, вносят в госпиталь, а Люся, уже без красного бантика, бросается к его носилкам и говорит сквозь рыдания:

— Ах, если бы я знала раньше, что вы такой герой!

А он скажет ей с горькой улыбкой на устах: — Да, теперь уже поздно!..

Сережка чуть не заплакал. Затем воображение нарисовало перед ним другую, более веселую картину. Как хорошо было бы, если бы его. Сережку, взяли в футбольную команду механического завода! Ведь эта команда не простая: в ней играет Василий Грабин, которой живет в их доме!

Сережка представил, как в самый решающий момент Грабин пасует ему мяч и он, атаковав вражеские ворота, красивым и точным уларом забивает гол прямо в правый верхний угол ворот. Стадион волнуется, бурлит; все аплодируют и спрашивают друг у друга: «Кто этот паренек, который забил такой красивый гол?» А Илья с Витькой, Сережкины друзья, сидят тут же на трибунах и нарочно равнодушным голосом отвечают:

— Это Сергей Свистунов, он живет в нашем доме. Очень способный футболист.

Как хорошо было бы, мечтал Сережка, отделаться от всех этих арифметик и грамматик, поступить на завод и работать, как Василий Иванович Грабин! Ведь Василий Грабин не просто токарь, а токарь-скоростник и бригадир комсомольско-молодежной бригады отличного качества.

Как любил Сережка, когда мать за обедом начинала рассказывать о Василии и его бригаде! Да разве только одна мать восхищалась этим молодым сильным парнем? Все женщины, мужчины и дети во дворе

здоровались с ним ласково и как-то по-особому почтительно. Даже бабка Мануйлиха, по твердому убеждению Сережки, самая злая и вредная старуха на свете, и та однажды сказала матери Василия:

— Ну, и сыночек у тебя, Ивановна. Не сынок – золото!

Когда Василий приходил с работы, Сережка всегда старался быть в этот момент во дворе и с завистью следил, как он шёл неторопливой походкой по двору, большой, сильный и веселый, почти всегда окруженный шумной толпой мальчишек.

Сам Сережка никогда не решался подойти к Василию и заговорить с ним, хотя ему очень хотелось сделать это. Он следил издали ревнивым взором за толпой малышей, окружавших Василия.

Весной, когда их класс ходил на завод на экскурсию, Сережка видел, как работают токари. Как зачарованный, затаив дыхание, смотрел он тогда на станок, где вращалась блестящая деталь. Эх, дали бы ему сейчас самому встать за станок! Уж он бы не осрамился, он бы тоже стал работать, как Василий Иванович, и тогда во Дворце культуры, наверное, повесили бы на Доске Почета и его портрет. Интересно, что бы тогда сказала Люся? А Илья с Витькой?! То-то бы позавидовали! Это им не задачки решать!..

Старинные стенные часы пробили семь раз, и этот звон заставил юного мечтателя спуститься с заоблачных высот на землю и вернуться к решению задачи.

— «Вода поступает в бассейн по двум трубам...» Поступает... вытекает,— со злобой прошептал Сережка и, поняв, что ему не удастся даже вникнуть в содержание задачи, швырнул книжку на кровать и, набросив пальто и кепку, выбежал во двор.

На дворе никого из ребят не было. Только старый бухгалтер Модест Фомич из тринадцатой квартиры сидел на лавочке в дальнем конце и, как всегда, молчаливо созерцал окрестности.

Сережка подошел к ограде и, взявшись руками за нее, стал тоже смотреть, как за оголёнными ветками деревьев догорает багряно-красная узенькая полоска заката... Вот, нарушив тишину, хлопнула дверь в первом подъезде, кто-то большой прошагал по двору, направляясь к воротам, но, видимо, передумав, остановился неподалеку. Сережка так был зол и недоволен жизнью, что даже не оглянулся: встал, ну, и пускай стоит себе на здоровье!

— А завтра, по всей видимости, ветер будет. Ты как думаешь?— прозвучал неожиданно голос, который заставил сердце Сережки вздрогнуть и сладко замереть, потому что голос этот мог принадлежать только одному человеку в мире— Василию Ивановичу Грабину. Сережка нерешительно оглянулся.

Кроме него и Василия поблизости никого не было. Бухгалтер Модест Фомич сидел далеко к тому же он был немного глуховат, так что вопрос явно относился к нему, Сережке. Поэтому, солидно кашлянув и стараясь говорить басом, он осторожно сказал:

— Должно быть, будет.

Бас у него, конечно, получился не настоящий, потому что Василий тут же участливо спросил:

— Ты что, простудился?

Н-н-нет, я здоров,— запинаясь, смущенно ответил Сережка.

— А чего же хрипишь, как столетний дед?

- Это я так, нарочно.

- Нарочно?— Василий подошел поближе, всматриваясь и Сережкино лицо.— Постой, постой! Это ты что ли играл центром нападения

сегодня на пустыре?

- Ага, я... А вы видели?

- Видел. Классно ты, брат, играешь! Со временем может выйти из тебя настоящий футболист... Что ж... давай познакомимся. Тебя

как зовут?

- Сережка.

- Сережка?! Что ж это ты, друг, как неуважительно свою персону представляешь? Ну сказал бы «Сергей» или «Сережа», а то— «Сережка»!

Сережка, смущенный похвалой и этим замечанием, молчал, а Василий продолжал расспросы.

— В школе учишься?

Учусь.

— В каком классе? В пятом или в шестом?

— В шестом.

— Ага, я так и думал...

Они поговорили еще минут пять о футболе, о погоде и других занимательных вещах, причем Сережка очень рассудительно, совсем как бухгалтер Модест Фомич, высказал весьма глубокое философское суждение о том, как хорошо было бы, если бы (подольше простояла сухая погода, а потом бы уже сразу пришла зима, и его собеседник согласился, что это было бы хорошо. Потом Сережка рассказал о своих друзьях Илье и Витьке, а Василий заметил, что настоящая дружба— это великая вещь! И, наконец, Василий совсем неожиданно сказал:

- А что мы, в самом деле, стоим тут. Пошли к нам, что ли побеседуем. Хочешь ко мне в гости?

Еще бы! Конечно, Сережка хотел. Но всё это вышло так неожиданно и просто, что он растерялся и ничего не смог сказать, а только молча кивнул головой...

В маленькой комнатке, куда привел его Василий, первое, что бросилось в глаза Сережке, это большой стол у окна. На нем стояла лампа с красивым зеленым абажуром. На столе было много книг, газет, тетрадей и каких-то бумажных свертков. Но все лежало в строго образцовом порядке.

— Вот это и есть мои апартаменты. Прощу садиться,— шутливо сказал Василий. Сережка не знал, что такое «апартаменты», но все-таки сел на краешек стула и, чтобы преодолеть неловкость, стал разглядывать книги.

«Физика твердого тела»— прочитал он на одной из книг. «Русская техника»— значилось на другой толстой книге. Здесь были также «Химия», «Астрономия», «Немецкий язык», «История СССР», и на каждой из этих книг Сережка встречал одни и те же надписи: «Учебник для 10 класса средней школы».

Было непонятно, чьи же это учебники, если в квартире кроме Василия и его старушки матери никто не живет, и кое-как набравшись храбрости, Сережка, не утерпев, спросил:

— А... а... чьи же это книги?

— Учебники-то? Мои. Я же в школу хожу.

Василий взял одну из книг и любовно погладил по корешку.

Сережка насупился. Стоило приглашать в гости, чтобы смеяться! Будто он, Сережка, не знает, что Василий работает на заводе:

- А ты чего надулся-то?— удивленно спросил Василий. – Думаешь посмеяться над тобой решил? Вот чудак-человек? Да я же на самом деле в школу хожу. Только она для взрослых, и занимаемся мы по вечерам, после работы. Кончу вот десятый класс и в институт пойду. Очень хочется мне инженером стать. Как думаешь, получится?

— Должно бы,— солидно кашлянул Сережка, очень довольный тем, что с ним разговаривают, как со взрослым, понимающим человеком.— Я тоже так думаю,— улыбнулся его собеседник, обнажая в улыбке белые ровные зубы.— Должно получиться! Потому что, если человек твердо решил чего-нибудь достигнуть, он в нашей стране обязательно этого добьется!

Вот ты, к примеру, кем мечтаешь быть.

Сережка задумался на мгновение и робко

проговорил:

- На завод бы мне...

— На завод? Что ж... желание похвальное. А что бы ты на заводе хотел делать?

— Токарем... как вы...

— Токарем? Как я? А ты видел когда-нибудь, как токари работают?

— А как же! Мы весной на экскурсии в заводе, были. Я... я видел, как ваша бригада работает.

— Ну, и как, по-твоему, трудно работать токарем?.. Ты бы смог?

- А чего ж там трудного-то!— осмелев, сказал Серёжка.— Конечно, бы смог! Только бы дали.

- Вот оно что! – Василий с изумлением посмотрел на рыжую голову Серёжки, словно только сейчас уразумел, что перед ним не кто иной, как Сергей Свистунов. – А чего бы ты у станка делать стал?

- Чего? – Серёжка задумался. – Надо взять деталь и зажать ее в станок.

- Ну, предположим. Что же дальше?

— Потом... потом подвести такую остренькую штучку.

— «Штучку»?!

— Она еще резцом называется,— заторопился Серёжка.

— Так. И что же дальше?

— И... и включить станок.

— По-твоему, выходит так: зажать деталь, включить станок, подвести «штучку» и— дело готово? Н-да... Представление о токарном деле у тебя, дорогой друг... примитивное, чтобы не сказать больше... Ладно! Выясним сейчас, каков из тебя токарь! Держи карандаш, бери бумагу! Представь себе, что ты на самом деле токарь, а я— твой начальник цеха. Представил?

— Представил.

— Твой станок дает скорость резания, скажем, двести семьдесят пять метров в минуту. Записывай: двести семьдесят пять. Записал? Хорошо. И при этой скорости резания ты обрабатываешь деталь (какую— неважно)... скажем, за девять с половиной минут. Записал?

— Записал.

— У тебя как отца-то звали?

— Тимофей Михайлович.

— Ага! И вот я, как начальник цеха, прихожу к тебе и говорю: Сергей Тимофеевич, обрабатываете вы деталь за девять с половиной минут. Это, конечно, не плохо, но деталь-то уж очень важная для тракторов. А этих самых тракторов колхозники в деревне ждут, не дождутся. Они им вот как нужны! А, что если мы увеличим скорость резания на вашей станке на сто тридцать метров в минуту? Станок такую нагрузку выдержит свободно. Ну-ка Сергей Тимофеевич, подсчитай, сколько ты тогда деталей обточишь за один час. Вы пропорции-то проходили?

— Про... проходили,— неуверенно сказал Сережка.

- Значит, это тебе— раз плюнуть! Решай!

Сережка склонился над бумагой и наморщил лоб. Прошло четыре, пять, десять минут... Сережка пыхтел над листом бумаги, ничего не замечая вокруг, но если бы он поднял глаза, то заметил бы, что его собеседник, не отрываясь, смотрит на него внимательно и насмешливо. Прошло еще три минуты, наконец, и Василий склонился над листом.

— Так, так... А ну, посмотрим, что у нас получается... Двести семьдесят пять плюс сто тридцать будет четыреста пять метров в минуту. Это— новая скорость резания металла. Так. Правильно! Ну-с, взглянем, что у нас получается дальше... Постой, постой! Скорость резания мы увеличили, а деталь стали обрабатывать в несколько раз дольше. Вот так достижение! Нечего сказать! Разве так составляют пропорцию? Стой-ка, стой, да ты и умножить-то, оказывается, не умеешь! Пять помножить на девять, сколько будет?

- Сорок... сорок пять.

- а чего же ты пишешь «сорок шесть?». Вот и сели мы с тобой в галошу, товарищ токарь. Что молчишь?

Серёжка, чувствуя, как горят его щёки и уши, готов был провалиться сквозь землю, если бы это было возможно, а Василий безжалостно продолжал:

- Я-то думал, что ты в арифметике так же силен, как и в футболе. Теперь вижу: ошибся! Да будь я, действительно, начальником цеха, а ты у меня в цехе токарем, я бы такого не грамотного токаря дня не стал на заводе держать! И чего это только у вас в школе за математик, если даже таблице умножения вас не научил. Так, наверное, ни рыба, ни мясо. Как его только в школе держат? Кто у вас математику ведет? А?

— Глафира... Глафира Петровна Егорова... Классный руководитель,— прошептал Серёжка, облизывая пересохшие губы и с трудом удерживаясь, чтобы не зареветь.

— Да ну?!— с хорошо разыгранным изумлением воскликнул Грабин.— Глафира Петровна? Верно, говоришь? Тогда насчет учителя беру свои слова обратно. Глафира Петровна учить плохо не может, это я хоть кому скажу! Выходит, корень зла— в самом тебе!

— А вы... вы знаете ее?

— Кого?

— Глафиру Петровну.

— Глафиру Петровну?! Как же мне не знать ее, приятель, если она меня несколько лет учила, если она меня человеком сделала. Да что говорить! Если бы не она, разве был бы я токарем? Ну, ладно, идём-ка, дорогой Сергей Тимофеевич, чай пить, а потом у меня с тобой

будет серьёзный разговор...

Жадно слушал в этот вечер Серёжа рассказы Василия о новых автоматических станках, которые сами обрабатывают детали по заданному

чертежу, о замечательных людях обгоняющих время и ускоряющих наступление светлой и прекрасной эры Коммунизма и о многом, многом другом.

Второй стакан чаю так и остался остывать перед ним на столе; Сережка, полураскрыв рот, напряженно смотрел в лицо рассказчику.

— Если бы ты видел, Сергей, какие замечательные станки появились у нас на заводе за последний год,— говорил Грабин.— Какие это умные, чуткие, послушные машины. Возле них не столько руками, сколько головой работать нужно. А дальше? Ты представляешь, что будет дальше?! Да лет через пятнадцать без технического образования ты ни к одному станку, ни к одной машине не подступишься! И понимаешь, какое это будет прекрасное время?!

Труд человека станет еще более радостным, еще более красивым, еще более захватывающим. А когда труд в радость человеку— тогда он способен своротить горы. Понятно теперь тебе, почему я так много хочу знать, почему я учусь?

— Понятно.

— А в чем твоя ошибка, ты тоже понял?

— Понял

- Значит, свои ошибки будешь исправлять?

- Ага, буду.

- Ну, смотри!.. А то я с тобой и дружить перестану. Сам понимаешь, что мне, стахановцу, с лодырями и лентяями компанию водить не с руки,— усмехнулся Василий и, провожая Сережку до двери, добавил:— Вот что, Сергей: парень ты уже большой, понимающий, так давай договоримся, что оба мы будем учиться только на «пятерки» и «четверки». Чтобы не только

«единицу» и «двойку», но и «тройку» на порог к себе не подпускать. Ну, как, согласен?

— Согласен,— радостно сказал Сережка, обеими руками пожимая протянутую ему большую и сильную руку.

Месяц спустя Василий Грабин встретил учительницу Глафиру Петровну в фойе кинотеатра «Урал».

— Здравствуйте, Глафира Петровна, - ещё издали замахал он рукой.— Как там мой подшефный поживает?

— Сережа Свистунов?

— Да. Направляется?

— Знаете, Вася, я так вам благодарна, так благодарна! Ведь точно подменили мальчугана просто не узнать! Все учителя теперь меня спрашивают: «Что вы сделали с Сережей?» А он за последнюю контрольную работу по арифметике «четыре» получил, а по географии и ботанике у него «пять»!

— Значит, наш маленький разговор пошел на пользу?

— Да еще на какую!

Старая учительница и токарь понимающе взглянули друг другу в глаза и засмеялись.

В ЛАГЕРЕ

ПИОНЕРСКИЙ ГОРОД

На широкой поляне, окруженной зарослями черемухи, ольхи и могучими столетними соснами, расположились красивые тесовые домики— дачи пионерского лагеря «Уральские огни». Около лагеря, журча на перекатах, быстро бежит горная речка.

Утро.

Лучи солнца озаряют верхушки сосен на горе за рекой. В воздухе разливается утренняя прохлада, а над рекой. Еще клубится молочно-белый туман.

Только весёлое щебетанье и пересвист птиц нарушает сонную тишину лагеря. Глубоким, спокойным сном спят юные обитатели этого пионерского городка. В даче второго отряда, уткнув лицо в подушку, сладко спит Серёжа Свистунов. На соседних койках посапывают его закадычные друзья Илья и Витька. Всхрапывает и бормочет во сне Сева Щукин, худенький гладко остриженный мальчик, спят триста других мальчиков и девочек на соседних дачах. Кажется, все кругом погружено в мертвый, непробудный сон.

Но это только так кажется.

Уже давно бодрствует начальник лагеря Степан Григорьевич Одинцов. Через раскрытое окно комнаты видно, как его седящая голова склонилась над столом; рядом с ним, опершись подбородком на ладони, сидит Машенька Егорова— старшая пионервожатая лагеря. На груди вожатой рядом с алым галстуком, горит Комсомольский значок. Степан Григорьевич и старшая вожатая обсуждают план воспитательной работы на сегодняшний день. На кухне стучит крышками котлов и кастрюлей повариха тетя Паша. В домике, где помещается второй отряд, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ребят, встает, одевается вожатый отряда— высокий, нескладный с виду юноша с гладко зачесанными назад волосами и задумчивыми синими глазами. Все в лагере от вожатых до пионеров зовут его просто Юрой.

В остальных дачах одновременно с Юрой поднимаются и другие вожатые. Возле лагерной линейки ходит дежурная вожатая Зина—миловидная девушка с длинной косой, она то и дело смотрит на часы. К ней подбегает с трубой горнист Гена.

- Зина, не пора ещё?

- Гена, я же тебе русским языком сказала: когда придет время, я позову.

Гена, сверкая босыми ногами, убегает, но через минуту приходит опять:

- Зина, может уже пора?

— Отстань, Генка, - сердится Зина и смотрит на часы. Еще одна минута... Вот теперь можешь горнить.

Гена знаком зовет двух других горнистов, и они втроем плавным красивым жестом подносят трубы к губам.

В утренней тишине раздаются резкие звуки пионерских горнов, и сейчас же сонное спокойствие в лагере сменяется шумом и топотом сотен босых ног.

Второй отряд, подъем!!— кричит вожатый Юра и стаскивает с любителей поспать одеяла.— На зарядку!.. Живо, а то опять нас первый отряд обгонит!

Услышав про первый отряд, мальчики начинают спешить: первый отряд их давний соперник. Зарядка, умывание, уборка постелей— и вот отряды выстраиваются на линейке.

— Председатели советов отрядов, сдать рапорт!..— звонко командует Зина.

Мальчики и девочки четко, по-военному подходят к ней и, салютуя, рапортуют...

— Лагерь, к подъему флага, смирно!

Торжественно звучит Гимн Советского союза. Три сотни мальчиков и девочек в трусах и майках, взметнув вверх загорелые руки, застыли, отдавая салют. Медленно ползет вверх по шесту и, развернувшись на самом верху, весело заколыхался на ветру алый пионерский флаг. Начинается новый день лагеря «Уральские огни», еще один день счастливого, радостно детства...

КОЛХОЗНАЯ МОРКОВЬ

После завтрака начальник лагеря созвал экстренное совещание. Вожатые и воспитатели собрались и небольшом, всем хорошо знакомом кабинете Степана Григорьевича. Маленький письменный столик у окна, две полки с книгами и репродукция с картины «Ленин и Сталин в Горках». Новым и необычным здесь был разве только большой пучок зелени, в беспорядке сваленный на всегда аккуратно прибранный стол начальника.

Когда пришла Зина, Степан Григорьевич испытующе взглянув на нее, спросил:

— Зина, вы ничего подозрительного сегодня ночью не заметили?

— Нет, не заметила,— сказала Зина и тут же испуганно спросила:— А что?! Случилось что-нибудь?!

— Случилось очень некрасивое дело. Сегодня ко мне пришел колхозный сторож дед Архип и сообщил, что вот уже вторую ночь кто-то делает набеги на колхозную морковь. А вот это нашли возле лагеря...— и начальник лагеря поднял зеленый пучок.

— Степан Григорьевич, а при чем же здесь мы?— не выдержав, спросила Стеша, вожатая пятого отряда.

— Архип Захарыч говорит, что это— дело рук наших ребят. Прошлую ночь он никого не заметил, а сегодня видел, как трое мальчиков в майках и трусах дёргали морковь, но поймать ни одного из них не удалось.

Степан Григорьевич взглянул на Юру и добавил:

— Лично я думаю, что это сделал кто-нибудь из второго отряда.

Из вашего отряда, Юрий Константинович.

Юра нахмурился и обиженно произнес:

— Ну, конечно! Как что-нибудь случится, так обязательно на второй отряд думают!

Почему! На каком основании?..

— А на том основании,— невольно улыбнулся Степан Григорьевич,— что все лагерные сорвиголовы, как по заказу, собрались в вашем отряде...

- Ребята у меня хорошие. А что они живые и на разные выдумки горазды, так, по-моему, из таких ребят во сто раз легче человека сделать, чем из какого-нибудь тихони.

- А все-таки я почти уверен, что к этому делу причастен ваш «триумвират».

— Какой такой «триумвират»?

- Сергей Свистунов и компания, его закадычные дружки Илья и... как другого-то зовут?

— Витя.

— Вот именно: Витя.

Старшая пионервожатая, до сих пор сидевшая молча, возмущенно воскликнула:

— Степан Григорьевич, я одного не могу понять: кому понадобилась такая морковь?! Ведь она же незрелая, одни хвостики. Ее и есть-то нельзя! Что ж, наши ребята голодные что ли, в самом деле?!

— Голодные?— вмешалась в разговор воспитательница Серафима Алексеевна.— Сегодня за завтраком на второе запеканка была с черносливом. Очень вкусная! И что же вы думаете? В двух отрядах все наотрез отказались ее есть и заявили, что они уже наелись: больше, мол, некуда. Тетя Паша, повариха, даже расстроилась. «Как, говорит, ни старайся, на вас все не угодишь».

— Тогда я не понимаю, Степан Григорьевич, что за охота рвать такую морковь?!

— А вы думаете, Мария Александровна, что им так уж нужна морковь? Морковь - только повод,— начальник поправил очки и задумчиво забарабанил пальцами по столу.— А в глубине скрыта, по-моему, погоня за ложной романтикой.

— Романтикой?— недоверчиво улыбнулась старшая вожатая.— Шутите, Степан Григорьевич? Какая же тут романтика? До сих пор это по-русски называлось просто воровством.

— Не понимаете, в чем романтика?

— Хоть убейте, не понимаю.

— А вот послушайте, что сказал на собрании учащихся восьмидесятых классов города Москвы Михаил Иванович Калинин.

Начальник достал с полки книгу в светло-коричневом переплете, нашел нужную страницу и прочитал:

«Внешне мы (речь идет о молодых участниках нелегальных кружков **Л. Сурина**) мало чем отличались от остальных рабочих. Так же, как и другие молодые рабочие, мы... иногда, возвращаясь ночью с работы, даже забирались в чужие сады, разумеется, для озорства, чтобы показать свою храбрость, - Степан Григорьевич сделал многозначительную паузу, - но отнюдь не потому, что нам уж так были нужны яблоки. Помню, как сейчас, в одном из садов около Путиловского завода был сторож, а у него ружье, заряженное солью. Ну, как тут не полезть в сад, если ты при этом рискуешь получить заряд соли!».

- А ведь до чего верно все верно сказано! – воскликнул Юра. Я сам, когда поменьше был...

— В чужие огороды лазил...— докончила Зина.

Юра сконфузился и умолк.

- В том то и дело, что это сказано Калининим очень верно и метко.— Одинцов через очки с усмешкой оглядел присутствующих.— Мы, вожатые и воспитатели, да и я сам, суховато еще ведем свою воспитательную работу, слишком опекаем детей. Поход дальний устроить мы боимся— как бы не простудился кто-нибудь, не случилось чего-нибудь. Устроить игры на реке— дети могут утонуть! Забыли мы о своем детстве, вот и трясемся над пионерами, как над желторотыми птенцами. А дети ищут простора, где бы они сами могли во всю развернуться, и приходится им выдумывать всевозможные приключения. Вы думаете, нашим злоумышленникам морковь

понадобилась? Конечно, нет! Просто, они храбрость свою испытывали. Всем ведь известно, что морковь сторожит дед Архип, с которым шутки плохи. Ну, как тут не полезть, если рискуешь попасться деду Архипу.

Все засмеялись, только старшая вожатая строго взглянула на всех и сказала:

- Обождите смеяться. Нужно же что-то сделать, чтобы скандальная история с морковью больше не повторялась.

- Следить нужно, проговорила вожатая Стеша.— Пусть у мальчиков вожатые не спят ночью и следят за всеми. Девочки, конечно, вне подозрений.

— Это чтобы я шпионил за своим отрядом?!— возмутился Юра.— Ты понимаешь, что получится, если мои ребята невиновны и узнают, что их вожатый ночи не спит, за ними подглядывает. Не доверяет! Да они...

— Спорить пока нечего,— сказал начальник лагеря.— Перейдите все в красный уголок, там обсудите со старшей вожатой подробности сегодняшних спортивных состязаний, а я еще поговорю с Архипом Захарычем.

Одинцов открыл дверь и пригласил:

— Заходите, пожалуйста, Архип Захарыч.

Прихрамывая, вошел старик и остановился на пороге, опираясь на суковатую палку. Был он низенький и коренастый, с реденькой белой бородкой; темная пергаментная кожа собралась на лице в хитроватые морщинки; единственный дедов глаз смотрел тоже с хитринкой.

За восемьдесят лет жизнь порядком успела потрепать деда Архипа, но он и не думал терять бодрости; так старый дуб, прочно вросший в землю, стоит наперекор всем ветрам и ураганам, и хотя поломаны его сучья, покоробилась кора и ствол дал трещину, но он стоит непреклонно, самим видом своим, утверждая непобедимость жизни. С русско-японской войны

Архип вернулся с георгиевским крестом и негнущейся ногой. С тех пор и прозвали его в деревне Хромым Архипом, а глаза дед лишился уже позже, в гражданскую войну. Дело было так: жил он в деревне, кое-как управляясь с немудрёным хозяйством, состоявшем из коровёнки да лошади; жил никого не задевая и думая, что и жизнь также не заденет его больше ничем. Вышло совсем по-иному; когда стали подходить к селу колчаковцы, прискакал к нему во двор на взмыленном коне племянник Мишка.

- Дяденька Архип, собирайся!

- Это куда?

Разве не пойдешь с нами партизанить?

- Куды ж я со своей корягой,— Архип постучал по ноге.

- Или оставаться хочешь, извергов на месте ждать? Гляди, пропишут они тебе ижицу!

- А чего им меня трогать,— сказал Архип,—

я человек мирный.

— Ты-то мирный, да они не мирные!..

- А это еще неизвестно, какие они.

— Это то-есть как неизвестно?— грозно спросил Мишка.— Ты слышал, как они в Сибири из мужиков кишки выпускали да на столбы наматывали?!

— Слышать-то слышал, да сказано: не всякому слуху верь,— уклончиво ответил Архип.

— погоди, попомнишь ты мои слова,— сказал Мишка, поднял коня на дыбы, и ускакал, не прощаясь. Предсказания его сбылись очень скоро. Едва село заняли белые, как на двор к Архипу явился офицер в сопровождении усатого вахмистра и трёх солдат.

Окинув пренебрежительным взглядом Архипово хозяйство, офицер процедил сквозь зубы:

Мы освободители села от красных бандитов, берем у тебя твою конягу на военную службу. Пусть послужит армии его высокопревосходительства верховного правителя адмирала Колчака.

— Ваше высокородие,— опешил Архип, один у меня конь-то... Зачем обижать калеку? - И вдруг, взвизгнув, бросился к кобыле:— Не отдам! Ни за что не отдам!

— Откачнись!— сказал вахмистр, отталкивая Архипа от лошади.— Она теперь не твоя.

— Как не моя?! «Освободители»!.. Грабите, ли вы, а не освободители! Бандиты!..

— Тэк-с,— спокойно сказал офицер, помахивая нагайкой.— Еще что скажешь? Может тебе, и власть наша не нравится? Красненьких опять хочешь?

— Власть!— завопил Архип, забыв всякую осторожность.— На черта она мне сдалась ваша власть! Чтоб ей ни дна, ни покрывки!..

— Вахмистр,— спокойно, не повышая тона, проговорил офицер, закуривая папиросу.— Всыпь этому мерзавцу шомполов. Да не жалеи!

— Слушаюсь, вашсокродь!

Окончив экзекуцию, вахмистр, ехидно ухмыляясь, спросил:

— Ну, как, дядя? Теперь доволен нашей властью?

— Премного доволен, язвыи вас в душу,— проворчал Архип, натягивая рубаху на окровавленное тело и с трудом удерживаясь на ногах.

В ту же ночь он ушёл в лес, и не было в партизанском отряде никого храбрее и злее Архипа. В боях потерял он левый глаз, домой он вернулся с именными часами— подарком от командования Красной Армии, с частями которой партизанский отряд находился в боевом взаимодействии. В годы коллективизации дед Архип первым подал заявление о приеме в колхоз. В колхозе трудился не щадя сил.

Только в прошлом году правление колхоза, учитывая преклонный возраст деда Архипа, назначило его сторожем на колхозные огороды.

Вот кто стоял сейчас перед начальником лагеря, опираясь на палку и поглаживая свободной рукой реденькую бородку.

Садитесь, Архип Захарыч,— пригласил Одинцов, пододвигая стул.— Ходили вы по лагерю?

Ходил...

- Ну и как? Узнали, кто ночью на огороды заглядывал?..

Сдается мне, вроде вон тот, рыжий, был у них за главного. Я за кустом притаился, хотел схватить его, а он чисто заяц, как сиганет от меня. Только след простыл! Разве его догонишь?..

Степан Григорьевич взглянул туда, куда показывал дед Архип, и увидел Сережку Свистунова, который, засунув руки в карманы, прохаживался возле цветочной клумбы.

— Так я и знал,— сказал Одинцов.— Ишь ведь расхаживает, как ни в чем не бывало... Ну, сейчас я тебе задам баню на линейке!

- Нет, эдак не годится, товарищ начальник, - вмешался дед Архип.— Не знаю, как, по-вашему, по-ученому, а, по-моему, сразу в карьер брать не резон. Ночь-то хоть и лунная была да прожектор-то у меня, извольте видеть,

один во лбу и тот не ахти как видит. Я мог и ошибиться. А что, если мы на невинного напраслину возведем? А?! Ведь сказано: не пойманный— не вор.

— А что ж, по-вашему, нужно делать, Архип Захарыч? Ведь виновных-то наказать нужно.

— Наказать нужно— это верно, чтобы другим неповадно было. Но я так думаю, товарищ начальник: нам не столь уж важно, кто именно разбойничал на грядках. Важно, чтобы эти стригуны поняли, что они весь лагерь опозорили, что они перед всеми пионерами виноваты. А этого одной громкой речью не достигнешь. Чего бы проще: выстроить их всех, да и отчитать. Или сказать: а ну, мол, сознавайтесь, кто это сделал, коли не трусы. Ан нет, весь заряд даром пропасть может. Выпалил— и нет ничего! Не знаю, как вы, а мы с председателем вот что порешили.— Старик наклонился к самому уху Степана Григорьевича и что-то долго ему говорил шопотом, хотя в комнате никого не было.

— Вы думаете, что это их за живое заденет?..— спросил Одинцов.

— Заденет, да еще как заденет...— замахал руками старик.— Ребятишки у вас хорошие, честные, а самое главное, лагерем своим гордятся. Вот мы эту гордость и заденем. Гордость человеческая— великая вещь!

- Ой, и хитрый вы, Архип Захарыч,— засмеялся начальник и, отворив дверь в соседнюю комнату сказал:— Мария Александровна, выстойте отряды на экстренную линейку...

Когда триста голоногих мальчиков и девочек в красных галстуках выстроились перед трибуной, над которой трепыхал от порывов легкого ветерка алый флаг, начальник поднялся по ступенькам, взглянул через очки на ровные шеренги и заговорил, чеканя слова:

— Пионеры! Юные ленинцы! Несколько дней назад все вы с большим старанием помогали колхозу «Заря» пропалывать морковь на его огородах и

за это получили благодарность от правления колхоза. Но вот вчера и сегодня ночью кто-то из вас...— Степан Григорьевич снова внимательно оглядел ряды.

Они замерли, строго держа равнение, и только в шеренге второго отряда произошло при последних словах чуть заметное движение. Оно было настолько легкое, что его никто не заметил, но оно не ускользнуло от опытных глаз старого педагога.

«Знает кошка, чье мясо съела»,— подумал Одинцов и продолжал:

— Кто-то из вас забрался на огороды и нанес колхозу ущерб. Стыд и позор! Те, кто это сделал, недостойны, носить высокое звание юного ленинца, потому что они его опозорили своим поведением.

— Дозвольте слово сказать, товарищ начальник,— выступил вперед дед Архип.

— Говорите, Архип Захарыч.

— Я полагаю, товарищ начальник, что вы зря оченно-то уж их пробираете. Видать кое- кому мало вашего лагерного питания. От веселой жизни за этакой фруктой не полезешь, - дед вытащил из пучка чахлую, тоньше карандаша морковку и насмешливо потряс ею в воздухе.— Разве ж это морковь?! Тыфу!.. Страмота одна, а не морковь. Так вот, перехожу к делу. Ввиду того, что своего лагерного питания вам, видать, не хватает, правление нашего колхоза решило вас малость того... подкормить. Да.

Легкий негодующий ропот, как шелест ветерка, пролетел по рядам, и только три мальчика в шеренге второго отряда что-то очень подозрительно низко опустили головы. С дальнего конца линейки чей-то звонкий мальчишеский голос выкрикнул возмущенно:

- Вы, дедушка, наш лагерь не позорьте! Мы сами кого угодно подкормим!

— А это мне неизвестно,— замотал головой старик.— Раз лезете за недоспелой морковью, значит, мало вам питаться четыре раза в день. Так вот и порешили мы вас подкормить и выделить вашему лагерю двух кабанчиков и четыре мешка муки... А как морковь подрастет, так и моркови подбросим...

Мертвая тишина царила в рядах. Все поняли, какое пятно на лагерь положили любители ночных походов на колхозных огородах. В сердце каждого росло возмущение против них. И только дисциплина заставляла сдерживаться и стоять по команде «смирно», Степан Григорьевич еще раз взглянул на шеренгу второго отряда. Он увидел, как ярко горели лица Сережи Свистунова и его двух товарищей.

Дед Архип посмотрел лукаво на Степана Григорьевича, подмигнул ему своим единственным глазом и, опираясь на свою суковатую палку ушел. Лагерь вернулся к своей обычной жизни.

Вечером к Степану Григорьевичу явились Сережа Свистунов и его друзья, смущенные, похудевшие за день от мучивших их переживаний, от упреков товарищей.

- Степан Григорьевич,— начал Сережа, заикаясь от смущения, это мы... Это мы насчет моркови-то... В общем, мы виноваты и заслуживаем сурового наказания, а ребята-то здесь ни при чем... Степан Григорьевич! Нас как угодно накажите, вплоть до отчисления из лагеря, а колхоз попросите, чтоб свое решение насчет кабанчиков и муки отменил...

Степан Григорьевич, довольно улыбнувшись, обещал сделать это.

— А о вашем поведении мы вопрос обсудим с вожатыми отрядов!..

Набеги на колхозную морковь прекратились.

СТАСИК-НАТУРАЛИСТ

Этот малыш удивлял всех необычайной любовью ко всему живому, что только можно встретить в природе: деревьям, цветам, травам, птицам, рыбам и насекомым. Все живое настолько поглощало его внимание, что он становился рассеянным, и эту рассеянность, явившуюся в результате напряженной сосредоточенности на каком-нибудь одном предмете,— рассеянность, которая встречается только у крупных ученых, поглощенных какой-нибудь научной проблемой, смешно было видеть у восьми летнего мальчугана.

У малыша было худенькое, острое личико, волосы цвета ржаной соломы спускались на лоб ровно подстриженной чёлкой, а ясные блестящие глазенки спокойно и доверчиво смотрели в лицо вожатой отряда малышей Зине Горенко, когда та собрала в первый раз свой отряд в тени старой ветвистой березы.

— Как зовут тебя?— спросила вожатая.

— Стасик,— ответил мальчик.

— Ты— сын инженера лесозавода Андреева?

Но малыш не ответил на этот вопрос. Остренькое личико его вдруг засияло, он схватил вожатую за рукав и, глядя куда-то вдаль на верхушки деревьев и прислушиваясь, спросил:

— Слышите?

— Что ты слышишь, Стасик?— удивилась Зина.

— Слышите? Стучит...

— Стучит? Стасик, да ведь это же обыкновенный дятел.

— Да, дятел,— согласился Стасик.

Он мог часами сидеть над муравейником и наблюдать интересную жизнь этих крошечных неутомимых строителей, или, задрвав голову, неотрывно следить за белкой, возившейся в своем дупле.

Если Стасик видел согнутую ветку, он не мог равнодушно пройти мимо. Он обязательно останавливался и бережно расправлял ее, а если при нем кто-нибудь без надобности ломал кустарник, он морщился, как-будто ему было больно, и с укоризной говорил:

— Зачем ты сломал? Ведь все равно бросишь.

Странно, что Стасику никогда никто не возражал, и даже пионеры старших отрядов, видимо неоспоримо признавали за ним право оберегать природу. И вот однажды Стасик исчез.

Когда стало приближаться время обеда, Зина спросила:

Ребята, а где же наш Стасик? Почему я его не вижу?

На это никто из малышей не смог ответить. Зина разослала мальчиков по дачам, но и там Стасика не оказалось. Не было его ни в красном уголке, ни на реке, ни на физкультурной площадке. Целый час Зина со своим отрядом разыскивала пропавшего малыша, но безрезультатно. Стасик исчез, как сквозь землю провалился. Чувствуя, как растет ее тревога, Зина решилась, наконец, сообщить обо всем начальнику лагеря и несмело постучала в дверь.

— Войдите! А-а-а, Зина,— встретил ее Степан Григорьевич.— Что нового, Зиночка? Как твои малыши? Да ты что сегодня такая невеселая? Случилось что?

— Степан Григорьевич... Степан Григорьевич, у меня пропал мальчик,— всхлипнула Зина.

— Пропал мальчик?— лицо Одинцова сразу сделалось тревожным и строгим.— Как пропал?! погоди, ты чего-то путаешь. Кто пропал?

— Стасик Андреев... маленький такой, худенький, с чёлкой. На мышку похож.

— А ты искала? Может, он на реку ушёл, или в библиотеку?

— Искала. Мы весь лагерь обошли.

- Ну?

— И его нигде нет. Он такой маленький, такой слабенький...

— Эх, Зина! Как же ты не досмотрела? да обожди, не плачь... Найдется твой Стасик. Не иголка же он. Горнист!— Степан Григорьевич высунулся из окна.— Труби сбор вожатых...

Через несколько минут в разные стороны от лагеря, по всем дорогам и тропинкам отправились группы пионеров на поиски пропавшего. Отойдя с километр, они принимались кричать:

— Ста-а-асик! Ст-а-а-сик! Ау!

Лес молчал, и только эхо доносилось в ответ. У колхозников, лесников и охотников— у всех встречных спрашивали пионеры, не видели ли они где-нибудь маленького, худенького мальчика с чёлкой, и все отвечали отрицательно.

— Нет, Стасика никто не видел, никто не встречал.

Одна за другой группы возвращались в лагерь и рапортовали, что пропавший нигде не обнаружен. В поисках и тревоге прошло время обеда, прошел тихий час, а Стасик не находился.

— Что, если мальчик утонул?— спрашивала себя Зина и тут же с ужасом отгоняла эту мысль. Она уже потеряла почти всякую надежду, когда к ней подбежал пионер второго отряда Витя Гажала и, таинственно приложив палец к губам, сообщил:

— Зина, я сейчас Стасика видел.

— Где, где он? Витенька, где ты его нашел?— затормошила его Зина.

— Т-с-с,— зашипел Витя.— Тише! Мы его накроем сейчас за одним интересным занятием.

Коля, Аня, Вера, Миша, Петя, пошли с нами, мы его окружим со всех сторон...

- Да куда ты нас ведешь?— изумилась Зина.

- Сейчас увидишь!.. Мы его ищем везде, он сидит у нас под носом и занимается...

- Чем занимается?..— хором спросили пионеры.

— Сейчас увидите,— опять таинственно пообещал Виктор. Зина и пионеры миновали лагерную столовую, прошли мимо полуразвалившегося сарая, доверху заваленного поломанными санями, ободами от колес и еще каким-то неведомо как и зачем попавшим сюда хламом; метрах в двадцати от этого сарая Витя остановился и, знаком подозвав своих спутников, шопотом сказал:

— Он там...

Неподалеку от сарая, в той стороне, куда указывал мальчик, и куда вели две разветвлявшиеся, еле заметные тропинки, Зина увидела густые заросли черемухи и ивняка. Они занимали здесь все пространство между обеими тропинками; пространство это в самой широкой части достигало немногим больше тридцати метров.

В поисках Стасика пионеры несколько раз пробежали по этим тропинкам, но так как все были уверены, что Стасик просто-напросто отошел далеко от лагеря и заблудился, то никто, кроме Виктора, и не догадался заглянуть в эти заросли. Витя, как командир, дающий подразделению боевую задачу, тихо скомандовал:— Коля, Вера и Миша, вы пойдете с этой стороны. Зина, Аня, Петенька, идемте за мной.

Только тихо. Пока не увидите «пропажу», шума не подымать.

— К чему весь этот маскарад?— попробовала было возражать Зина, но Витя с таким умоляющим взглядом посмотрел на нее, что она больше ничего не возражала и безропотно последовала за пионерами. Когда маленькая группа, бесшумно передвигаясь и поминутно замирая на месте, углублялась в гущу зелени, до Зины долетел тихий голосок Стасика, произносившего какие-то совсем уже несуразные слова:

— Высуни рога... пирога.

— Слышишь?— давясь от смеха, спросил Виктор. Они подползли еще ближе, и Зина сквозь листву увидела Стасика.

Малыш сидел на корточках перед стволом черемухи и что-то рассматривал.

— Улитка, улитка, высуну рога, я тебе дам пирога,— снова тихо сказал Стасик.

Так вот что он делает! И это в то время, когда его ищет весь лагерь, когда все сбились с ног!.. Аня, не удержавшись, громко расхохоталась. Скрываться больше не было смысла. Зина и ребята вышли из-за кустов.

— Ага, вот где ты!..— закричали они, окружив Стасика.

Малыш вскочил на ноги и спрятал кулак за спину.

— Можешь не прятать,— сказала Аня,— мы все равно знаем, что у тебя улитка.

— Как тебе не стыдно, Стасик!— набросилась на него с упреками вожатая.— Разве можно так? Мы ищем тебя целый день, а ты сидишь

и занимаешься пустяками. Разве ты не слыхал, как мы тебя звали?

- Нет, не слыхал...

По выражению широко раскрытых смысленных глаз Зина поняла, что Стасик, действительно, ничего не слыхал.

-Ведь ты, наверное, есть хочешь? Ты же не обедал?

— А я... я обедал.

— Обедал?!— удивилась Зина.— Почему же тогда тетя Паша нам ничего не сказала?

— погоди, Зина,— остановил ее Виктор.— А ну, натуралист, скажи, что ты ел?

— Что?— Стасик задумался.— Рисовую кашу, потом хлеб с маслом... потом... потом молоко.

Грянул такой хохот, что малыш испуганно заморгал глазами.

— Стасик,— сквозь смех сказала Зина.— Разве можно быть таким рассеянным? Рисовая каша была на завтрак, а не на обед.

— Тогда... тогда, значит, не обедал,— вздохнув, покорно согласился Стасик.

Пропавшего с триумфом доставили в столовую и передали в распоряжение поварихи тети Паши...

Когда через два дня выбирали заведующего живым уголком, все единодушно решили:

Пусть уголком заведует Стасик! Стасик—
натуралист!

Малыш сидел довольный и радостный

«УТОПЛЕННИК»

— Наконец-то погода наладилась,— проговорил Сережа, укладываясь поудобнее на горячем песке и подставляя солнцу уже загоревшую спину.

— Да, наладилась все же,— согласился Илья, толстенький, упитанный мальчуган, его приятель.— Я думал, что нашей очереди так и не придется покупаться. А если еще дня два простоит такая погода, смело можно в воду лезть. Верно, Юра?

— Пожалуй, можно будет,— подтвердил вожатый, взглянув на циферблат часов.— На сегодня довольно спину греть. Перевертывайтесь. Витя, а тебя мои слова не касаются?

- Юра,— взмолился Витя,— позволь, еще спину позакаляю. Я же хорошо переношу солнце. А то не успеешь загореть, как следует и уже домой ехать.

— Перевертывайся, перевертывайся! Вовсе не обязательно походить на негра. Солнце тогда приносит пользу, когда его принимают, умело и осторожно.

Витька покорно лег на спину.

— Да, ребята, а все ли в нашем отряде умеют плавать?— спросил вожатый.

— Конечно, все!— лениво отозвался Сергей.

— Ты, Сергей, отвечай сам за себя, а не за всех. Илюша, ты можешь плавать?

— А как же.

— А ты, Витя?

— Как кит.

— Федя, Боря, умеете?

— Умеем.

— Да что вы, Юра?!— воскликнул Сережа.— У нас в лагере все девчонки и то могут плавать. А чтобы наш второй отряд не умел!

Его сосед Сева Щукин, худенький, болезненного вида мальчик, стриженный под машинку, хотел было уже сознаться, что плавать он не умеет, но промолчал, представив, как ребята его засмеют, если узнают, что он не умеет плавать!.. Поэтому, когда вожатый спросил, умеет ли он плавать, Сева против воли, заикаясь, ответил:

- Я... я... умею!..

Сережа покровительственно хлопнул его по плечу.

—Ты, Севка, наверное, плаваешь, как щука. Фамилия у тебя подходящая, рыба.

Ребята засмеялись, а Сева Щукин лежал с закрытыми глазами и, стиснув зубы, мысленно проклинал себя за то, что не научился раньше

плавать. Впрочем, в этом виноват был не только Сева. Единственный сын из хорошо обеспеченной семьи (отец Севы был инженером), мальчик вырос под неусыпным наблюдением отца и матери, которые, не чая души в своем ребенке и дрожа над каждым его шагом, таскали без надобности по врачам, возили на курорты и пичкали лекарствами. Может быть, именно поэтому мальчик вырос таким худым и болезненным. Его сверстники уходили в лес с ночевками, совершали дальние переходы, в воде они чувствовали себя не хуже рыб, а Севе все это было строго-настрого запрещено. Однажды Сева вздумал попроситься на реку. Но отец и мать пришли в ужас от этой мысли, пришедшей в голову мальчика. Так и дожил мальчик по тринадцати лет. Он не умел ходить на лыжах, бегать на коньках, не умел он и плавать. Однако ложный стыд и боязнь ребят помешали ему сознаться в этом. Теперь нужно было что-нибудь придумать, чтобы выкарабкаться из создавшегося положения, и у Севы мелькнула отчаянная мысль: нужно тайком от всех научиться плавать, научиться, во что бы то ни стало, иначе он будет опозорен перед своим отрядом, а может быть, и перед всем лагерем, как хвастунишка и лгун.

Сева понимал, что эта учеба будет сопряжена с трудностями (нужно тайком уходить на реку) и опасностями (можно утонуть). И он решил твердо и бесповоротно: будь что будет; лучше утонуть, чем стать посмешищем в глазах ребят.

Улучив момент, когда в библиотеке никого из ребят не было, он спросил у библиотекарки:

— Серафима Алексеевна, у вас есть какая-нибудь книга по плаванию?

— По плаванию? А зачем тебе?

— Мы с вожатым решили заняться стильным плаванием «кроль».—

Это слово Сева вычитал где-то раньше.

— Ах, «кровать». Вот возьми книгу «Водный спорт». Давай запишу в твою карточку.

Теперь каждую свободную минуту Сева забирался куда-нибудь подальше от нескромных взоров друзей и листал страницы книги. Теоретические правила плавания он уяснил быстро. Теперь их надо было применить на практике.

Во время тихого часа, когда большинство ребят крепко спали, Сева, чтобы не попасть на глаза дежурной вожатой, обогнул дачу с задней стороны и бегом пустился к реке.

На берегу было пустынно. Солнце, склоняясь к западу, нещадно палило, и даже насекомые, казалось устали гудеть в знойном мареве дрожащего воздуха и забились под листья. Вода была теплой, как парное молоко, и Сева понял: завтра врач разрешит пионерам купаться и ему придется плавать, а он...

Раздевшись, он вошел по колено в воду и остановился в нерешительности. Стайка юрких пескарей сновали в воде, щекоча ноги, а река переливала таким нестерпимо ярким блеском, что было больно глазам. Сева плюхнулся в воду у самого берега и, перебирая руками по дну, заработал ногами. Получалось как будто неплохо!

Теперь нужно зайти поглубже и работать руками и ногами вместе, как написано в книге.

Он вошел в воду по пояс и зябко передернул плечами: было боязно. И в это время над лесом звонко и часто прозвучал сигнал подъема.

Тихий час кончился. Через несколько минут на реку прибегут ребята. Они увидят, как он беспомощен в воде и посмеются: Щукин, а плавает, как Топорков. Эти размышления сделали мальчика более решительным. «Стараясь дольше удержать воздух, энергичнее работайте руками и

ногами»— припомнил он строку из учебника и, набрав воздуха и закрыв со страху глаза, бросился в воду. Течение сейчас же отнесло его в сторону, и когда мальчик попытался встать на ноги, он ощутил под собой пустоту. Дна не было! «Яма»!— как молния, пронеслась в его голове страшная мысль, и, вытаращив испуганные глаза, он бешено, заколотил руками по воде, а течение медленно относило незадачливого пловца все дальше и дальше от спасательного берега, на середину реки, на быстрину.

До смерти перепуганный, мальчик громко закричал:

— То-о-о-н-у-у! Спаси-ите!

Вода сейчас же набила ему в рот, в нос, в уши. Ослепленный, оглушенный, полузадохнувшийся, он волчком завертелся в воде, отчаянно барахтаясь; течение относило его все дальше и дальше, а на пустынном берегу не было ни души...

При первых звуках горна Сережа вскочил с кровати, продирая глаза.

— Ух, заспался!— зевая и потягиваясь, протянул он «сейчас же удивленно посмотрел в угол и толкнул в бок приятеля.— Витька, глянь: Щука сегодня раньше нас встала и уже уплыла куда-то.

Виктор глянул на пустую Севину постель и озадаченно почесал затылок.

— Вот чудо! Когда же это он встал?

— Побежим на реку, что ли, Витя. Умоемся.

— Пошли. Илюша, ты идешь с нами?

— Куда?— спросил Илья.

— Умываться.

— Десять раз умываться, что ли? Умывался утром, хватит.— Илья сонно почесался. Он был порядочный увалень, этот толстенный, как бочонок, Илья, и всегда стоило большого труда его расшевелить. Друзья, махнув на него рукой, прямо через окно выпрыгнули наружу и понеслись к реке, стремясь обогнать, друг друга.

До реки оставалось каких-нибудь двадцать-тридцать метров, когда отчаянный, истошный вопль прорезал воздух и звоном отозвался в ушах:

- То-о-о-н-у-у! Спа-а-си-ите!

Мальчики остановились, как вкопанные, и испуганно переглянулись. Но через мгновение они вновь сорвались с места и стремглав бросились на крик.

— И вправду кто-то тонет,— побледнев, сказал Виктор, когда оба друга выбежали на берег.— Смотри, смотри! Это же Севка!

— Да не может быть!

— Неужели?

— Да, Севка, конечно он!

Сева, Севка, держись!— закричал Виктор и, даже не скинув майки, бросился в воду. Сережка сразу понял, что это было ошибкой: утопающий был уже почти на самой стремнине, и быстрое течение несло его все дальше и дальше вниз по реке, туда, где под высокой отвесной скалой крутился омут.

— Сева, держись!— крикнул Сережка и помчался по берегу. Никогда в жизни он еще не бегал так. В несколько секунд он поравнялся с утопающим, крикнул ему на бегу несколько ободряющих слов и, обогнав его метров на двадцать, бросился в реку.

Расчет его был прост: он должен был не нагнать утопающего, как это изо всех сил старался сделать Виктор, а встретить его на середине реки.

Серезка плыл саженками, легко и свободно толкая тело вперёд; время от времени он напряжённо всматривался туда, где над водой мелькали руки и стриженная голова Сева.

Он подоспел как раз во-время. Голова мальчугана уже скрылась под водой, когда Сергей схватил его и вытянул на поверхность.

Сева дикими, обезумевшими глазами взглянул на Серезу и, как кошка, вцепился в его руки.

— Пу-усти!.. Пусти же! Потонем оба!— прохрипел Слежка, вырывая руки. Но цепкие пальцы как будто приросли к Серезкиным рукам. Сева, не видя ничего безумными глазами, ничего не соображая, повторил то, что делалось до него тысячами утопающих: он инстинктивно ухватился за своего спасителя, и Серезе пришлось бы туго, если бы не подоспел Виктор.

Вдвоем они быстро доставили незадачливого пловца на берег, и Сева уткнулся в песок, икая, кашляя и выплевывая воду; тело его сотрясала мелкая дрожь.

Все это происшествие заняло несколько минут, но мальчиков уже окружила толпа пионеров; по тропинке бежал запыхавшийся Степан Григорьевич, а впереди него мчался бледный и растерянный вожатый Юра. Растолкав толпу, он бросился к мальчикам, срывающимся голосом повторяя одно слово:

— Живой?! Живой?!

— Живой. Только воды наглотался...— сказал Сереза.

Вожатый упал на колени, схватил Севу за плечи и, перевернув на спину, ощупал грудь и спину, точно для того, чтобы удостовериться, что перед ним действительно живой Сева, бескровном, зеленом лице мальчика показалась бледная улыбка, и, заикаясь и дрожа всем телом, он прошептал:

- К-а-а-к я пла-а-вал?

- Чего уж там!— усмехнулся Сергей.— Плавал ты, как топор...

Все облегченно вздохнули и засмеялись...

Целый день только и было разговоров о том, как Сева тонул, и как его спасли.

—Молодцы Сережа и Виктор,— говорили

ребята.

В этот день на вечерней линейке начальник лагеря торжественно объявил:

— Пионеры! Сегодня два ваших товарища, пионеры второго отряда Свистунов Сергей и Гажала Виктор, спасли утопавшего Севу Щукина пионера второго отряда. Юные ленинцы никогда не бросают товарища в беде! Они идут ему на помощь, даже если помощь эта сопряжена с риском для их собственной жизни! Молодцы Сережа и Вита! Вы поступили как настоящие пионеры, как настоящие юные ленинцы!

Слушайте приказ по лагерю!

«Первое: За находчивость и бесстрашие при спасении утопающего товарища от лица руководства лагеря «Уральские огни» пионерам второго отряда Свистунову Сергею и Гажала Виктору объявляю благодарность!

Второй: Поручить Свистунову и Гажале научить Севу Щукина плавать!»

Едва раздалась команда «разойдись!», ребята смешали строй и, окружив двух друзей, бросились их качать. Замелькала в воздухе и стриженная голова Севы Щукина и его длинные худые ноги. Надо ли говорить, что смущенным и счастливым Сергею и Виктору все это было

очень приятно. Приятно, тем более, что еще совсем недавно на сборе дружины их товарищи дали им жестокую, но справедливую головнойку за колхозную морковь.

КАМЕНЬ САЛАВАТА

Сосновый лес, выстроившийся точно молчаливый страж по берегу реки, огласился бодрой пионерской песней. Это второй и первый отряды возвращались в лагерь из большого военизированного похода. Береговые заросли кустарника возле высокой скалы раздвинулись, и оттуда выскочил Сергей Свистунов в белой рубашке-безрукавке, синих спортивных брюках и красном галстуке. Следом за ним показалось румяное и потное лицо Виктора Гажалы. За Виктором, словно медведь, продирался сквозь чащу Женя Березовский, пионер первого отряда, здоровый парень, ростом на целую голову выше и Сергея и Виктора. Каждую секунду заросли кустарника, словно нехотя, раздвигались и выпускали из цепких объятий все новых и новых пионеров. Сергей Свистунов задрал голову вверх и, посмотрев на вершину скалы, где в узкой расщелине, каким-то чудом уцепившись корнями за щепотку земли, росли две березки, с восхищением воскликнул:

— Ого! Высокая!..

С высоты сорока метров скала отвесно, почти без всяких выступов обрывалась в реку; зеленоватая поверхность воды медленно колыхалась под ней, отражая, как в зеркале, всю скалу от подножия до самого верха, где прицепились березки.

Рядом со скалой, отделенный от нее небольшим промежутком, таким узким, что в него не протиснулся бы и Сева Щукин, самый худенький в отряде, лежал гигантский камень в два-три человеческих роста. Передним концом своим он, как и соседняя скала, круто обрывался в реку; задняя стенка была пологой и походила на лесенку.

Сережа тотчас же забрался по этим ступенькам наверх и замер от восхищения.

— Ребята! Витя, Женька, лезьте сюда, тут наверху вроде скамейки. Сидеть можно. А как красиво здесь!— Витя и Женя стали карабкаться на камень. Выбрался на песчаную полосу берега и Сева Щукин и зажмурился от яркого блеска, реки на дальнем перекате. Вышли на берег три мальчика из первого отряда; потом в кустах замелькали белые рубашки и красные галстуки еще двух десятков пионеров, и, наконец, пыхтя и отдуваясь, выкатился толстенький Илья, а следом за ним— вожатый Юра и старшая пионервожатая Мария Александровна с огромным букетом цветов. Они замыкали шествие.

— А ведь это не простой камень, ребята, совсем не простой.

— А какой же?— всполошились пионеры и обступили вожатого.

— Я знаю,— закричал Сева,— это какой-нибудь ценный минерал.

— Нет, Сева. Это— обыкновенный гранит, который здесь часто встречается.

— А почему же это не простой камень Юрий Константинович?— заинтересовалась старшая вожатая.

— Это—камень Салавата, как называют его старики. Здесь около двухсот лет назад часто бывал народный башкирский герой и поэт Салават Юлаев, о котором народ сложил много песен. Слыхали о нем?

— Слыхали,— закричали ребята.— Он вместе с Пугачевым воевал против помещиков и царицы Екатерины.

— Верно,— подтвердил Юра.

Все стали внимательно рассматривать серую глыбу гранита, которая приобрела в глазах ребят теперь совершенно новое значение и заинтересовала их, как отголосок далекого исторического прошлого.

— Хорошо бы нам поподробнее узнать об этом камне...— мечтательно проговорил любознательный Сева.

— Узнать можно,— сказал вожатый,— здесь неподалеку в избушке старик-башкир живет, углежог он, дерево на уголь пережигает. Сходим к нему— он нам все об этом камне и расскажет. Только не сейчас, а как-нибудь на-днях. Сейчас нам нужно в лагерь торопиться.

Сильный порыв ветра чуть не сорвал с него кепку. Юра с тревогой взглянул на небо. Большая черная туча, которая только что виднелась над лесом, когда отряды вышли к реке, теперь заняла полнеба. Первые молнии прочертили в воздухе над горизонтом замысловатые зигзаги, и, глухо рокоча, над лесом прогремыхал гром.

В голубых глазах старшей вожатой мелькнуло беспокойство.

- Гроза надвигается, ребята,— сказала она. - Нужно скорее добираться до лагеря...

Не успеем,— проговорил Юра, нагнув голову под порывом ветра и удерживая кепку рукой.— Нам еще километров пять до лагеря идти, да на лодках переправляться. Промокнем до нитки.

—Что же будем делать, Юра?

— Пойдем в гости к Загиру, избушка его недалеко. Отряды, по одному стройся! Мария Александровна, последите, чтобы никто не отстал. Я буду показывать дорогу.

Едва мальчики добежали до низенькой, покосившейся и едва заметной среди кустов боярышника избушки, крупные, тяжелые капли забарабанили по листьям, а через минуту дождь хлынул как из ведра. Старик-башкир, сидевший на пороге с коротенькой трубочкой в зубах, увидев пионеров, поднялся и гостеприимно распахнул почерневшую от времени и непогоды дверь.

У него была белая, клинышком борода, коричневое лицо, изборожденное морщинами, и водянистые старческие глаза; но когда он, как давнему знакомому, улыбнулся Юре, меж потрескавшихся губ ослепительно блеснули белые и крепкие, как у юноши, зубы.

— Здравствуй, Загир!— приветствовал его вожатый.

— Здравствуй, здравствуй,— сказал старик и тут же покачал маленькой головой. - Ай-яй-яй. Еще немного и мал-мала мочил бы всех...

— А мы не сахарные, дедушка, не растаяли бы,— весело отозвались ребята.

Заполнив до отказа тесную избушку, разместившись на нарах, на скамейке и просто на полу, они чувствовали теперь себя в безопасности и со смехом вспоминали, как спасались бегством от грозы.

— Дедушка, мы в поход ходили,— затараторил Сева.— А сейчас камень видели, большой-пребольшой. Наш вожатый говорит, что это камень Салавата. Верно, дедушка?

— Ваш вожатый правду говорит,— кивнул старик и заметно оживился.

— Дедушка Загир, а вы знаете, почему камень так зовут?— спросил Витька.

— Знаю, мальчик. Что народ говорит, то и я знаю...

— Дедушка, расскажите, что народ говорит,— сразу попросило несколько голосов.

—Расскажу,— охотно согласился старик.

В глазах старика блеснул живой огонек, и было видно, что просьба эта доставила ему большое удовольствие.

—Расскажу. Пока дождь идет, спешить некуда.

Он говорил по-русски с едва заметным акцентом. Усевшись на полу перед чугунной печуркой, он подбросил в камелек сухих сосновых веток, и они вспыхнули, озарив темное лицо его неверным, колеблющимся светом. За стенами избышки грохотал гром, яркие вспышки молний проникали даже сквозь маленькое окошечко на закопченные стены; шумел дождь.

А в избышке было уютно, пахло смолой, кожей, сухим углем.

Старик полузакрыв глаза и, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, заговорил протяжным, как степная песня, голосом.

«Много-много лет назад в юрте Юлая родился Салават. Юношей был он прекрасен, как молодой месяц, быстр и ловок, как лесной олень, и смел, как горный орел. Не одна башкирская красавица с надеждой ловила его взор, но мало прельщали Салавата аульные красавицы. Больше всего на свете любил он своего коня, тугой лук да еще песни, складывать которые был великий мастер.

Салават был еще ребенком, когда на башкирскую землю пришла беда. Жадные до наживы русские купцы захватили земли башкир, объявили своими их леса. Плакал от горя седой поэт Мурадым, когда пел песни об этом. У захватчиков были ружья и пушки, у башкир— копья и стрелы. Куда пойдешь с ними против пушек? Покорился народ, но не смирился, затаив ненависть к жадным пришельцам. Так уголек тлеет внутри костра, и настанет время, когда костёр вспыхнет жарким пламенем.

Много думал Салават о горькой судьбе своей Родины и своего народа, и глубокая морщинка легла поперек, его лба от этих тяжелых дум.

Любил Салават выезжать поутру на горячем коне и, подставляя грудь вольному ветру, петь песни о том, что было дорого его душе, но больше всего любил он, переправившись через реку, сидеть на большом камне, смотреть в быструю воду и мечтать о хорошей жизни для своего народа.

И вот однажды ехал он по берегу, направляясь к заветному камню, и задумчиво пел грустную песню:

О Ур-зень-река,
Ты бежишь меж гор,
Между скал крутых извиваешься
И несешь свои воды быстрые
В степи вольные и широкие.
Если б звала ты, Юрюзань-река,
Как народ родной горе мыкает,
Под ногой врагов задыхается.
Кровью алою умывается,
Не стерпела б ты, Юрюзань-река,
От сиротских слез грозно вспенилась
И смела с земли орды недругов...

Так пел Салават, когда донесся до его слуха стук копыт. Глянул батыр и увидел внизу у самой воды двух всадников в солдатской одежде, а между ними сгорбленного человека в лохмотьях. Шел этот человек меж двух лошадей, низко нагнув голову, ступая босыми ногами по острым камням, и

кровь текла по его пальцам. Был он широкоплеч и могуч, но, выбившись из сил, шатался, как сосна в непогоду, и давно упал бы, если бы не веревка, которой были связаны его руки. Конец веревки держал один из солдат.

«Вот гяуры схватили еще одного башкира. Надо выручать!»— так сказал себе Салават и, выхватив саблю, как буря, налетел на врагов. Один солдат упал с седла с разрубленной головой; другой ускакал в великом страхе. Вложив саблю в ножны, увидел Салават, что спасенный им человек лежит, недвижим, уткнув голову в песок.

Разрезал он тугую веревку, зачерпнул воды и повернул того человека лицом к солнцу.

— Спасибо, батыр,— прошептал спасенный, очнувшись. Были у него черные усы, густая черная борода, а глаза сверкали, как угли.

— Урус! Русский!— пробормотал Салават.

— Или не рад ты, батыр, что освободил меня?— спросил Черная Борода и усмехнулся.

— Когда волки грызутся между собой, какое дело башкиру до этого?— нахмуясь, отвечал Салават, а человек с черной бородой опять усмехнулся и сказал:

— Вижу, не любишь ты русских, батыр.

— А за что мне любить вас?— с болью и гневом вскричал Салават.— Вы отняли нашу землю! Вы рубите наши леса! Вы хватаете наших девушек... Смотри, вот уголек от башкирской деревни! Ее спалили русские!..

Покачал головой в ответ на эти слова Черная Борода и промолвил тихо и грустно:

— Плохо видишь ты, батыр, и в глазах твоих туман...

Гордо блеснули глаза Салавата и, взглянув на небо, он сказал одно только слово:

— Смотри!

Там, высоко над землей, едва заметной точкой парил орел. Выхватил стрелу могучий батыр, натянул лук, и упала птица к его ногам, пораженная в самое сердце. Молча протянул он убитую птицу Черной Бороде.

Глаз твой зорек, а рука тверда, батыр,— спокойно сказал русский и поднялся с земли, шатаясь. – Но не видят правду твои глаза. Скажи: разве все русские одинаковы? Посмотри, как живут на твердышевских заводах русские мужики. От темна до темна, гнут они спины у раскалённых печей и не ведают, что такое радость. Батоги и плеть одна им награда за эту каторгу. Разве они отняли у башкир землю? И разве сами башкиры все одинаковы?! Посмотри хорошенько, батыр! Отгони туман от своих глаз! Почему одному нечем прикрыть свою наготу, а другой ходит в шёлковых халатах. Где же справедливость? Отвечай, батыр! - так сказал Черная Борода, и глубоко задумался Салават над его словами. Долго молчал он, опустив голову и наконец, ответил:

— В твоих речах есть правда, русский. Я подумаю.

- Подумай, батыр! Хорошенько подумай! А теперь прощай!— обнял его Черная Борода и зашагал по берегу.

- Пстой! - закричал Салават.— Как зовут тебя, русский?

— Пугач— мое имя, и ты обо мне ещё услышишь, так сказал Черная Борода, помахал рукой на прощанье и скрылся в кустах.

И часто с тех пор стал приезжать сюда Салават-батыр, и пока конь его бродил по берегу и щипал сочную траву, он сидел на любимом камне под скалой и думал великую думу о тех словах, что запали так глубоко в его сердце. Задумчиво уронив голову на руки, спрашивал батыр:

Правда ли, о Ур-зень-река,

Что урус-бедняк и бедняк-башкир

По своей судьбе братья кровные?